

«Вестник древней истории» приступает к публикации серии статей и материалов, посвященных Теодору Моммзену (1817–1903).

© 2003 г.

Г. М. Бонгард-Левин, Е. В. Ляпустина

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ДИССЕРТАЦИЯ И.М. ГРЕВСА ПО ИСТОРИИ РИМСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ*

Впервые Вячеслав Иванов¹ и Иван Гревс² встретились в 1891 г. в Национальной библиотеке в Париже. Тогда зародилась их многолетняя дружба, и причиной тому была не только душевная близость, но и сходство жизненных ситуаций: оба усердно работали над диссертациями, причем тот и другой исследовали историю древнего Рима. Путь, приведший каждого из них в парижские книгохранилища, был своеобразен, но в чем-то и схож – главным образом в том, что отличался от обычной карьеры начинающего русского ученого. Оба были молоды (Иванову – 25 лет, Гревсу – 31 год), однако уже успели «отклониться» от *cursum*, предполагавшего командировку

* Работа выполнена в рамках проекта «Антиковедение в России и Европе», поддержанного РФФИ (№ 02-06-80226).

¹ Литература о Вячеславе Иванове (1866–1949) – поэте и мыслителе – весьма велика. О том периоде, когда он занимается римской историей, см. *Wachtel M.* Вячеслав Иванов – студент Берлинского университета // *Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps.* P., 1994 [Sahiers du monde russe. 1994. XXXV. 1–2 (janvier–juin)]. P. 353–376; *Бонгард-Левин Г.М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам за настоящей наукой» // ВДИ. 2001. № 3. С. 150–184; *Аверинцев С.С.* «Скворещиц вольных граждан...». Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001. С. 33 слл. Важнейшим источником остаются автобиографические материалы Вяч. Иванова, прежде всего «Автобиографическое письмо» к С.А. Венгеру (*Иванов Вяч.* Собр. соч. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. II. Брюссель, 1974. С. 7–22). См. также *Котрелев Н.В.* Неизданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова // *Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение. Материалы научно-тематической конф. в г. Судаке 18–20 сентября 1996 г.* Москва – Судак, 1997. С. 186–195.

² Об И.М. Гревсе (1860–1941) см. *Скржинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс (биографический очерк) // *Гревс И.М.* Тацит. М.–Л., 1946. С. 223–248; *Анциферов Н.П.* Иван Михайлович Гревс / Публ. Б.С. Кагановича // *Памятники культуры. Новые открытия.* 1986. М., 1987. С. 59–69 (также в кн.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. Воспоминания / Под ред. и с комм. А.И. Добкина. М., 1992. С. 165–178); *Каганович Б.С.* И.М. Гревс – историк средневековой городской культуры // *Городская культура. Средневековье и начало Нового времени.* Л., 1986. С. 216–235; *он же.* Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И.М. Гревса // *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе.* Л., 1990. С. 198–216; *Рутенбург В.И.* Встречи Гревса с Италией // *Россия и Италия.* М., 1993. С. 306–315; *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 1999. С. 337–349; *Летяев В.А.* Восприятие римского наследия российской наукой XIX – начала XX в. Волгоград, 2002. С. 52 сл., 59, 61–69, 73–78, 91, 94, 108 сл., 150 сл., 155, 182. В архивном фонде И.М. Гревса хранится немало материалов биографического характера (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1), а также его воспоминания – незавершенные и лишь отчасти опубликованные (о них см. *Скржинская. Ук. соч.* С. 223; *Каганович.* Вокруг «Очерков»... С. 213. Прим. 1–5, 9).

за границу для работы над магистерской диссертацией, как правило, вскоре после окончания университета в России – обычно после сдачи магистерских экзаменов.

За плечами у Гревса к этому времени (он окончил Петербургский университет в 1883 г.) уже было несколько лет преподавания в средней школе, а также чтение в 1890 г. университетского курса «История государства и общества в период падения Римской империи»³ после сдачи в 1888–1889 гг. магистерских экзаменов и утверждения в ноябре 1889 г. приват-доцентом Петербургского университета. Только в мае 1890 г. Гревс получил от университета двухлетнюю заграничную командировку во Францию и Италию для написания магистерской диссертации. Такой «задержке» немало способствовала и вовлеченность молодого историка в общественную деятельность⁴.

Еще более необычен был путь Иванова: он закончил только два курса Московского университета⁵, а затем проучился девять семестров в Берлине, где получил прекрасную подготовку у мэтров германской *Altertumswissenschaft*, прежде всего Т. Моммзена и О. Гиршфельда⁶. В Париж Иванов приехал уже с практически готовой диссертацией (его немецкие однокашники защищали свои диссертации в 1891–1892 гг.), но которую ему еще предстояло «тщательно передумать и изложить по латыни»⁷. Однако ни одному, ни другому не дано было завершить работу над диссертациями так быстро и гладко, как они предполагали: Гревс защитил свою только в 1900 г.⁸, защита Иванова так и не состоялась, а сама работа была напечатана спустя много лет – лишь в 1910 г.⁹ Общим было и то, что диссертация по римской истории оказалась для обоих хотя и важным, но лишь эпизодом в долгой жизни, наполненной (у каждого по-своему) совсем другими занятиями, интересами и устремлениями. Однако в годы, когда между нашими героями велась наиболее оживленная переписка (1892–1898 гг.), именно заботы, связанные с этими диссертациями, занимали в ней центральное место.

Уже одно только название книги Гревса, защищенной в качестве магистерской диссертации¹⁰, говорит о сложностях ее рождения, делая акцент на произвольность выбора («Очерки из...») и отодвигая на второе место саму тему – историю римского землевладения. Действительно, книга состоит из обстоятельного введения (с. 3–59), двух «индивидуальных» очерков – о Горации (с. 63–234) и об Аттике (с. 237–438) – и внушительного по размеру заключения «Общественно-историческое значение крупной земельной собственности в римском мире в связи с основными особенностями эконо-

³ См.: Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на весеннее полугодие 1890 года. СПб., 1890. С. 6. Ср. Гревс И.М. Моя первая вступительная лекция // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. Л. 39об.: «Курс этого полугодия в университете не удалось провести как следует, начались студенческие беспорядки и половина (почти) лекций пропала. Но положено было основание университетскому преподаванию».

⁴ В первые годы студенчества Гревс был членом подпольных народофильских кружков, привлекался к дознанию и находился под особым надзором полиции. На последних курсах университета он сблизился с либеральным студенческим кружком (превратившимся впоследствии в «братство»), в который входили братья Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбурги, В.И. Вернадский, Д.И. Шаховской и другие (Каганович. Вокруг «Очерков»... С. 199; он же. О генезисе идеологии Ольденбургского кружка и Приютина братства // Русская эмиграция до 1917 г. – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 90–103).

⁵ В Московском университете Иванов учился в 1884–1886 гг. Наибольшее влияние на него там оказал Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925), крупнейший специалист по истории и праву западноевропейского средневековья, читавший в университете наряду со средневековой и древнюю историю. Именно следуя указаниям Виноградова, который сам некоторое время учился у Моммзена, Иванов поступил в Берлинский университет (Компелев. Неизданная автобиографическая справка... С. 193. Прим. 11).

⁶ *Wachtel*. Op. cit. P. 363–366 (перечень курсов, прослушанных Ивановым в Берлинском университете с октября 1886 по март 1891 г.); *Бонгард-Левин*. Вяч. Иванов... С. 175 слл.

⁷ Иванов. Автобиографическое письмо. С. 19.

⁸ *Скржинская*. Ук. соч. С. 237; *Каганович*. Вокруг «Очерков»... С. 203.

⁹ *Ivanov V. De societatis vestigialium publicorum populi Romani*. Petropoli, 1910 [rist. Roma, 1971]. Подробное см. Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 249–251.

¹⁰ Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. СПб., 1899.

мического строя древности» (с. 441–620). О том, как складывался этот первый (и оказавшийся, увы, единственным) том «Очерков», писали не раз, опираясь главным образом на воспоминания самого Ивана Михайловича и его предисловие к книге¹¹. Цитируемые ниже письма Иванова и Гревса содержат много весьма важной и новой информации, дополняющей и уточняющей уже известную картину. Во-первых, письма позволяют судить о первоначальном замысле и его последующих превращениях, в результате которых и появилась эта не совсем обычная книга. Во-вторых, они дают возможность услышать диалог двух ученых, заглянуть в их исследовательскую «кухню», вблизи различить характерные черты исследовательского почерка каждого из них.

В студенческие годы И.М. Гревс «по господствующему направлению своих интересов всего более склонен был к новой истории (благодаря «революционности» общего направления своих симпатий)», но под глубоким научным влиянием В.Г. Васильевского¹² «оказался притянутым, увлеченным средневековым... и выработался в медиэвиста»¹³. Как это нередко бывало, выпускное сочинение в университете будущие медиэвисты писали по теме, более или менее близко связанной с римской античностью. Работа Гревса «Римско-византийское государство в VI в. по новеллам Юстиниана и другим законодательным сборникам христианских императоров» была удостоена золотой медали. При этом – вполне в духе времени – его больше интересовали не политические учреждения и правовые формы, а проблемы социальной истории¹⁴. Когда после сдачи магистерских экзаменов (1888–1889 гг.) ему предстояло прочесть пробные лекции перед членами факультета, то для лекции «по выбору экзаменующегося» он взял тему о сенаторском классе в Риме¹⁵.

Таким образом, вполне отчетливо проявился интерес Гревса к изучению социальной истории Римской империи, которой он и собирался посвятить магистерскую диссертацию. «Подчиняясь обычной в юности склонности к широким построениям, я увлекался сначала намерением написать обширное сочинение, которое рассматривало бы полную историю аристократических классов в римской империи и раскрывало бы их общественную роль, могуществом которой ощущается почти в каждом факте истории римского государства»¹⁶. Необходимость ограничить предмет исследования и стремление рассмотреть историю римской аристократии с наименее известной стороны (т.е. с социально-экономической точки зрения) обратили Гревса «к разработке истории крупной земельной собственности в Риме, субъектом которой именно являлась и до конца оставалась знать»¹⁷. Отправляясь в 1890 г.¹⁸ в двухлетнюю заграничную командировку, молодой ученый собирался заниматься именно этой темой.

Поначалу она ему представлялась, видимо, лишь в самых общих чертах. Рассказывая о своих «научных планах» профессору Паскуале Виллари, с которым он встретился в сентябре 1890 г. во Флоренции – во время первой своей поездки в Италию, Гревс сообщал, что «главным образом сосредоточивается на изучении поздней римской империи»¹⁹. А М.Н. Крашенинников²⁰, который вместе с Вяч. Ивановым

¹¹ Скржинская. Ук. соч. С. 236–237; Каганович. Вокруг «Очерков»... С. 200–202; Фролов. Ук. соч. С. 340 слл.

¹² Василий Григорьевич Васильевский (1838–1899), историк-византист, академик.

¹³ Гревс И.М. К истории моей научной жизни // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. Л. 35; Скржинская. Ук. соч. С. 227.

¹⁴ Каганович. Вокруг «Очерков»... С. 199.

¹⁵ Скржинская. Ук. соч. С. 232.

¹⁶ Гревс. Очерки... С. XI–XII.

¹⁷ Там же. С. XIII.

¹⁸ Впервые за границу Гревс поехал в 1889 г. В Париже, где еще свежа была память о Фю-гелье де Куланже, его интересы окончательно склонились в сторону романского средневековья (см. Скржинская. Ук. соч. С. 233).

¹⁹ Гревс И.М. Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890–1891 года) / Публ. и вступит. слово чл.-корр. В.И. Рутенбурга // Россия и Италия. М., 1993. С. 286.

²⁰ Михаил Никитич Крашенинников (1865–1937?), исследователь текстов античных и византийских авторов, в интересующее нас время занимался изучением римских муниципальных жрецов и латинской эпиграфикой.

принимал живейшее участие в судьбе диссертации их товарища, писал Гревсу осенью 1892 г., уже после возвращения того в Петербург: «Кстати, насчет Untersuchungen: я только сравнительно недавно узнал от Вячеслава Ивановича, что в своей диссертации Вы трактуете собственно о сенаторах, а не о происхождении колоната... Ваша тема совсем не так трудна, как я полагал о ней раньше, думая, что Вы трактуете о происхождении колоната... Наконец, на Вашем бы месте я теперь просто на просто прекратил бы поиски и собирание дальнейшего материала»²¹. Очевидно, даже к концу этой двухгодичной командировки Гревс так в точности и не определил тему своей магистерской диссертации и продолжал собирать материал по очень широкому, фактически необъятному кругу вопросов.

Действительно, во время пребывания в Италии (главным образом во Флоренции и Риме) в 1890–1891 гг. Гревс изучал архитектуру и живопись, занимался римской топографией и археологией древнейшей Италии («этрусскими вазами», как шутили над ним впоследствии друзья)²². К сожалению, воспоминания самого Ивана Михайловича об этой поездке обрываются как раз на том месте, где можно было бы ожидать подробного отчета о занятиях в Риме, где «создавались идея и план трудов» о римском землевладении²³. В Париже, где Гревс обосновался в апреле 1891 г.²⁴, он не только работал над темой своей диссертации, но и слушал лекции и посещал семинары медиевистов, антиковедов, археологов. Полученные знания и впечатления нашли отражение в специальной статье²⁵. Вероятно, среди занимавших его вопросов оставался и колонат (этим могло объясняться заблуждение Крашенинникова): в примечании к историографическому введению в «Очерках» Гревс ссылается на свою статью (в которой разбирался не только труд на эту тему Фюстель де Куланжа, но и литература вопроса в целом²⁶), а потом добавляет: «В различных университетских городах Франции постоянно выходят “тезы” о колонате (достаточный список таких этюдов заключает рукописный систематический каталог большой “salle de travail” парижской Национальной библиотеки)»²⁷.

Во время этой работы в Париже Гревс и познакомился с приехавшим из Берлина весной 1891 г. Вячеславом Ивановым, которому «властно указал ехать в Рим»²⁸. Первые известные нам письма из их переписки²⁹ относятся к 1892 г., когда после времени, проведенного ими вместе летом в Риме, Гревс продолжил свои занятия в Париже, а Иванов, как оказалось, надолго обосновался в Вечном городе.

²¹ М.Н. Крашенинников – И.М. Гревсу. 26 октября / 7 ноября 1892 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 160. Л. 4об.

²² Гревс. Моя первая встреча с Италией... С. 292.

²³ Он же. Очерки... С. XIX. Ср. его наброски к воспоминаниям (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. Л. 49): «В командировке (1890–1892) подготовлял диссертацию в Женеве, Риме и Париже (сначала она предполагалась – о развитии сенаторского класса, потом все переходил к земельной собственности. Кроме того в Италии изучал – палеоиталийскую культуру, историю средневекового искусства, христианские древности (катакомбы), топографию Рима (древнего и средневекового)». (Здесь и далее в цитатах курсивом передаются слова, подчеркнутые в оригинале одной линией, а курсивом с разрядкой – двумя. – Г. Б.-Л., Е.Л.).

²⁴ Дата устанавливается по записи Гревса о его поездках в Италию (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. Л. 41): «1890–91 г. ... (от конца августа до начала апреля)».

²⁵ Гревс И.М. Очерки современного исторического преподавания в высших учебных заведениях Парижа // Историческое обозрение / Под ред. Н.И. Кареева. Т. IV. СПб., 1892.

²⁶ Он же. Новое исследование о колонате // ЖМНП. 1886. Ноябрь.

²⁷ Он же. Очерки... С. 19 сл. Прим. 3.

²⁸ Иванов. Автобиографическое письмо. С. 19; см. также: Вячеслав Иванов на пороге Рима: 1892 год / Публ. Н.В. Котрелева и Л.Н. Ивановой // Archivio italo-russo III. Vjačeslav Ivanov – Testi inediti / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Salerno, 2001. P. 7–24.

²⁹ Переписка Вяч.И. Иванова и И.М. Гревса, охватывающая 1892–1924 гг., хранится соответственно в фонде Вяч. Иванова в Российской государственной библиотеке в Москве (Ф. 109) и фонде И.М. Гревса в Петербургском филиале архива РАН (Ф. 726). К этому источнику специалисты обратились лишь недавно. Полная публикация писем готовится к печати авторами настоящей статьи совместно с Н.В. Котрелевым.

По мере того, как срок заграничной командировки Гревса подходил к концу, а диссертация так и не была готова, между друзьями все чаще обсуждался вопрос о возможности продлить срок его пребывания за границей. Судя по письмам, Иванов настаивал, что следует хлопотать об отсрочке возвращения Гревса в Россию. Он взял на себя смелость написать другу Гревса – известному ученому С.Ф. Ольденбургу, с которым не был лично знаком, – пространное письмо, исполненное беспокойства за судьбу Ивана Михайловича и его научной работы, а получив ответ (по правде говоря, довольно сдержанный в отношении предлагаемого плана), переслал копию его Гревсу в Париж, увещевая того самому написать Ольденбургу и уполномочить его «начать нужные хлопоты»³⁰. По словам Иванова, Гревс мучился сознанием, что «его диссертация не может быть окончена в продолжение его настоящей заграничной командировки и должна быть возвращением в Россию прервана на неопределенное время»³¹. Со всей возможной деликатностью Вячеслав Иванович подтверждает обоснованность беспокойств своего друга об окончании диссертации: «они не только объективно вполне оправданы, но следует даже сожалеть, что требования, необходимо из них вытекающие, не формализовались, как кажется, в его сознании с достаточною настойчивостью». По мнению Иванова, для «продолжения и окончания» труда необходим полный год: одних летних каникул следующего 1893 г. будет явно недостаточно, и все равно в последующем придется отказываться от преподавания на целый учебный год. Таким образом, несмотря на крайнее прилежание Гревса, работавшего по 10–11 часов в сутки³², ко времени возвращения в Россию до окончания диссертации было очень далеко: работа явно не вышла еще из стадии сбора материала по истории крупного землевладения в самом широком понимании этой темы³³.

В августе 1892 г. Гревс вернулся в Россию и осенью приступил к преподаванию, в частности, начал читать лекции на Высших женских курсах. Работа над диссертацией оказалась прерванной. В письмах из Италии Иванов старался подбодрить друга³⁴:

Что касается науки, то я не только не считаю, конечно, Вас для нее «пропавшим», но думаю, что перерыв в Ваших занятиях по диссертации послужит ей на пользу, заставит Вас взглянуть на дело свежее, увидеть вопрос как бы в новом освещении. Я говорю о перерыве занятий, потому что предполагаю, что теперь у Вас нет времени думать о диссертации, и я думаю, что, если это действительно так, то в этом еще нет ничего особенно печального. Хлопочите только о командировке. Печальнее всего было бы, если бы Вы предавались непосильным занятиям. Вам должно работать как можно меньше, поверьте мне, и должно беречь силы на командировку.

Иванов призывал друга³⁵ проявить «здоровое и простое отношение» к работе и, учитывая, что она «должна служить прежде всего и непосредственно – магистерской диссертацией», советовал ограничиться кратким изложением

³⁰ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 29 июня / 11 июля 1892 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 1–2 (копия ответа С.Ф. Ольденбурга – л. 3).

³¹ Вяч.И. Иванов - С.Ф. Ольденбургу. 16/28 июня 1892 г. // ПФА РАН. Ф. 887. Оп. 2. Д. 68.

³² Ср. упоминание об этом в письме Иванова Ольденбургу и отзыв о необходимости 8-часового рабочего дня в письме Д.М. Ивановой И.М. Гревсу от 14/26 августа 1892 г. (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 6).

³³ Причин столь неудовлетворительного положения дел с диссертацией было немало, но все их можно свести к одной: Иван Михайлович с самого начала своей командировки не стал посвящать все свое внимание и силы разработке строго определенной темы магистерской диссертации. Позднее он вспоминал: «Плохо было то, что две цели – научная (в книгах) и монументальная (по следам старины), совмещавшиеся в моей жизни, перебивали одна другую. Но это вообще стало драмой моего существования: столкновение специально научных и шире умственных интересов, не всегда совпадающих один с другим. Не всегда удавалось их примирить, и это было причиной многих внутренних кризисов и горестей» (Гревс. Моя первая встреча с Италией... С. 288).

³⁴ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 22 сентября / 4 октября 1892 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 9.

³⁵ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 26 октября / 7 ноября 1892 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 160. Л. 4об. (приписка к письму М.Н. Крашенинникова).

или даже просто взять одну часть ее, чтобы она вполне удовлетворила своей цели, ... и прямо начать писать ее, на основании уже собранного материала. Приготовив таким образом очерк (преимущественно, конечно, первой части работы, касающейся землевладения), Вы впоследствии можете его дополнить тем материалом, которого у Вас в настоящее время нет. Быть может, возмолнит будет ограничиться именно этой одною частью. Сенаторские надписи (в случае, если Вы будете впоследствии писать вторую часть) достаточно будет... просмотреть и выбрать более характерные – интенсивная обработка будет едва ли нужна. В самом деле, поставьте себе задачу развить уже сложившийся у Вас в голове план с помощью наличного материала: Вы увидите, как Вам будет потом легко.

Надеясь на успешное решение вопроса о командировке, Иванов уже составлял для Гревса план на летние месяцы³⁶:

По возможности рано уедете Вы, получив командировку, из Петербурга за границу, и в мае или июне месяце мы съедемся в Берлине... Вы... сдружитесь с Моммзенем и Гиршфельдом. Вырвавшись из Петербурга, Вы прямо начнете писать свою работу; написав ее, Вы займетесь специальными дополнениями и исправлениями. В эту заграничную поездку Вы окончите диссертацию.

Пожелания эти исполнились лишь отчасти: Гревсу удалось получить командировку за границу, но только на пять месяцев. Иванов немедленно откликнулся на это известие радостным, полным предвкушения новой встречи в Италии письмом, в котором, однако, хорошо зная характер друга, предостерегал его³⁷:

Но самая кратковременность командировки обуславливает для Вас необходимость торопиться с Вашей работой, которая должна быть написана в эти пять месяцев. Поэтому позволяйте мне убеждать Вас прекратить хотя бы на время дальнейшее собирание материалов, которые впоследствии могут быть пополнены, и немедленно же начать их разработку. В настоящее время у Вас есть общий план работы, Вам известны ход и связь ее идей и положений. Поэтому прямо примитесь за развитие плана в деталях, за пересмотр Ваших схем³⁸ и за составление отдельных глав. Напишите как можно скорее работу, хотя бы и на страх, что Вам придется переписать ее снова. Вам должно прежде всего переступить магический круг, из которого Вы никак не можете выйти: я разумею бесконечные *Vorarbeiten*³⁹, которые даже при менее обширной теме возможно расширять до беспредельности. Послушайтесь этого совета, перестаньте умножать архив Ваших материалов, который и без того велик, и начните писать ту или другую главу так, как если бы Вам нужно было написать об этом предмете лекцию. Быть может, Вы могли бы уже теперь найти время для рассмотрения и группировки материалов, чтобы до мая снова войти в работу, снова свыкнуться с ней и собрать собственные мысли, наполовину забытые и растерянные во время перерыва работ.

В это время Иванов, затянувший окончательную отделку глав своей диссертации, сам уже собирался ехать в Берлин не раньше осени, но настойчиво направлял туда Гревса⁴⁰:

Я Вам советую далее ехать прямо в Берлин, где Вы познакомитесь с Гиршфельдом, Моммзенем и другими. В настоящее время мне возможно, в случае, если бы это Вам понадобилось, обеспечить для Вас этот шаг, насколько это в моих силах <...> И если Вы хотите, чтобы я написал о Вас Гиршфельду, подробно известие меня о том, что и как написать. Гиршфельд отрекомендует Вас, вероятно, Моммзену. Никакого труда не будет Вам стоить знакомство с молодыми учеными, например, Дессау⁴¹, Вебе-

³⁶ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 27 декабря 1892 г. / 8 января 1893 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 11об.

³⁷ Вяч. И. Иванов – И.М. Гревсу. 4/16 апреля 1893 г. // Там же. Л. 16.

³⁸ Имеются в виду небольшие листочки, карточки (от латин. *scheda* – полоска папируса, лист), на которых Гревс имел обыкновение делать записи.

³⁹ «Предварительные разработки» (нем.).

⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 16об.–17.

⁴¹ Герман Дессау (1856–1931), ученик Моммзена, крупный филолог и эпиграфист, профессор Берлинского университета; в то время – автор нашедших статей, положивших начало современному этапу изучения *Scriptores Historiae Augustae*; ответственный за подготовку II и III томов «Просопографии Римской империи» (P.I.R.), опубликованных соответственно в 1897 и 1898 гг. (этот материал должен был в особенности заинтересовать Гревса). Под именем Дессау в научный обиход вошел также изданный им сборник латинских надписей (*Inscriptiones Latinae selectae*. 5 vol. В., 1892–1916).

ром⁴²... В Берлине Вам нет нужды оставаться больше времени, чем сколько нужно для свиданий с разными учеными. На возвратном пути в Россию Вы захали бы туда опять для дальнейших совещаний.

Сведения о легкой командировке Гревса в 1893 г. чрезвычайно скудны⁴³. В Берлин он заезжать не стал, а отправился через Италию в Париж. При свидании с Ивановым в Риме тот снова «расточал советы»⁴⁴ ехать к немецким *maestri*, но идея эта, очевидно, не находила отклика в душе Ивана Михайловича. Работа над диссертацией продвигалась не слишком успешно – часть времени пришлось потратить на составление лекционных курсов. Когда срок командировки Гревса уже близился к концу, Иванов писал ему в Париж⁴⁵:

В каком, однако, состоянии находится Ваша диссертация? Очень радуюсь, что Вы хотите ее ограничить. Но может ли очерк истории земельной собственности *до Диоклетиана* быть развит Вами в целую диссертацию, это покажет только действительно произведенная Вами в этом смысле попытка. Ничего бы, быть может, я не желал бы Вам в такой степени, как написать диссертацию в течение этой зимы. Я убеждаю Вас приложить к этому усилия. Если Вы удовлетворитесь социально-экономической частью первоначально поставленной темы, оставив в стороне политическую часть, то для Вас будет во всяком случае очень полезно набросать сначала в общих чертах связный очерк земельной собственности в период от Августа до Диоклетиана, и, быть может, в самом деле он будет достаточен для диссертации. Я бы при составлении магистерской диссертации сообразовался на Вашем месте с минимальными требованиями.

Однако работать даже над столь «усеченной» – «до Диоклетиана» и «социально-экономической части» – темой в Петербурге, где все силы уходили на преподавание, Гревс не мог. В январе 1894 г.⁴⁶ он сетует на «невыносимо безобразную жизнь», которая подавляет его, «не только положительно отнимая все время, но и высасывая все силы». Он испытывает мучительный страх, что вот-вот окончательно «запутается в непосильных обязанностях». Иван Михайлович, наконец, понимает необходимость новой, причем длительной заграничной командировки.

Словом, дела мои идут так плохо и положение мое настолько критическое, что я решил, пока еще не ушло последнее уж время, во что бы то ни стало с лета же устроить себе год заграничной жизни. Иначе мне диссертации не написать <...> Во всяком случае я не отчаиваюсь и так или иначе за границу попаду – иначе надо бросать науку безо всякого сомнения.

Гревсу удалось получить командировку на 15 месяцев – с 15 мая 1894 г. до 1 сентября 1895 г. Настроен он был крайне серьезно: «Целью моею является исключительно одно – написать диссертацию, и я надеюсь, что мне удастся воздержаться от каких бы то ни было других работ». План рисовался так: отправиться прежде всего в Рим, чтобы повидаться с Ивановым и поработать в библиотеках; осень и зиму провести в Париже, где обстановка наиболее удобная и привычная, там «написать остов работы, и с ним вместе переправиться к весне 1895 г. в Берлин под окончательное благословение тамошних светил»⁴⁷.

⁴² Макс Вебер (1864–1920), будущий классик социологии, а тогда – выпускник юридического факультета Берлинского университета, в 1891 г. защитил *Habilitationschrift* (*Weber M. Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- und Privatrecht. Stuttgart, 1891*), предложив в этой диссертации совершенно оригинальный взгляд на всю социально-экономическую жизнь Рима (см. *Bruhns H. A propos de l'histoire ancienne et de l'économie politique chez Max Weber // Weber M. Économie et société dans l'antiquité. P., 1998. P. 20; Capogrossi Colognesi L. Le radici della modernità: Max Weber 1891–1909. 2ª ed. Roma, 1997*).

⁴³ В перечне своих поездок за границу И.М. Гревс указывает: «1893 – летом с Шварсалон и Ростовцевым (Вена – Венеция – Флоренция – Рим – Париж) → вернулся один» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. Л. 61).

⁴⁴ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 5/17 сентября 1893 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 355. Л. 133.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 6–12 / 18–24 января 1894 г. // РГБ. Ф. 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 1.

⁴⁷ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 4/16 мая 1894 г. // Там же. Л. 30б.

Друзья действительно встретились в июле 1894 г. и до начала августа занимались в библиотеках в Риме. Затем Иванов с семьей отправился во Флоренцию, а Гревс – в Париж. В письме от 23 августа Иванов сообщает, что ждет «обещанного Горация»⁴⁸.

Разумеется, имелась в виду работа Гревса, напечатанная в январском номере «Журнала Министерства народного просвещения» следующего, 1895 года⁴⁹, а впоследствии (с небольшими изменениями) вошедшая в I том «Очерков...» 1899 г., который и стал магистерской диссертацией. Однако в 1894 г. речь велась не о части будущей диссертации, работа над которой шла своим чередом, а лишь об одном из подготовительных этюдов. Предваряя его, Гревс писал⁵⁰:

Мне приходится уже несколько времени заниматься историей крупной земельной собственности в период империи в связи с изучением роста аристократических классов внутри римского государства и общества в данную эпоху. Такая задача при такой именно точке зрения, мне кажется, может послужить предметом научного труда обобщающего характера по социально-экономической истории Рима, который может способствовать окончательному разрешению великой проблемы о причинах падения империи. Работая над сложной и еще мало разъясненной темой, нельзя ограничиваться систематическим собиранием и ровным последовательным анализом материала. На каждом шагу открывается необходимость останавливаться и углубляться в частные экскурсы. Эти последние естественно вырастают в самостоятельные очерки. Одни из них сосредоточиваются около определенного источника, юридического, литературного или эпиграфического, и рассматривают его, как материал для истории землевладения; другие изучают какую-нибудь историческую личность, как представителя его форм и роли; третьи освещают какой-нибудь определенный пункт или исследуют отдельный элемент в развитии данного явления. Мне представляется бесполезным для расширения знакомства с вопросом напечатание некоторых из таких этюдов: они могут готовить его широкое синтетическое изображение.

В объявленных таким образом «самостоятельных очерках» угадываются этюды о Горации (исследование сосредоточено около одного источника), об Аттике (изучение исторической личности) и об императорском землевладении (освещение отдельного элемента в истории явления).

Таким образом, во время заграничной командировки 1894–1895 гг. Гревс работал по двум направлениям: готовил к печати этюды-очерки (о Горации, об Аттике, о сальтусах) и параллельно продолжал заниматься исследованием своей большой темы⁵¹:

...Я работал с неутомимым рвением. Радостно вспомнить об этом высоком годичном напряжении труда – целый год этой цельной научной жизни. Это один из лучших годов моего прошлого вообще. В 8 ч. утра выходил я из дома, к 9 ч. приезжал (на омнибусе Passy – Bourse) в Национальную библиотеку, работал там до 4-х (когда она зимою закрывается, а летом до 6), затем иногда возвращался домой обедать и вечером приводил в порядок сделанное днем. Но часто я домой не возвращался, а пообедав в ресторанчике, заходил в Cercle St Simon⁵² пересмотреть новинки, и отправлялся в Bibliotheque Ste Genevieve, читал римских авторов и надписи (прочел всего Цицерона и многих других), собирая аграрный материал. Возвращался с чувством удовлетворения от насыщенного трудового дня.

За этот год работы я собрал материал (огромный!) для большого сочинения по истории императорской земельной собственности: 1) судьба *ager publicus* во время империи, 2) пути развития собственности императоров, 3) состояния (личные) отдельных

⁴⁸ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 11/23 августа 1894 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л.30об.

⁴⁹ Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения во времена Империи. – Очерк первый. Римское землевладение в момент утверждения Империи по сочинениям Горация // ЖМНП. 1895. Январь. С. 66–187; далее – Очерк первый. Гораций.

⁵⁰ Там же. С. 81–82. Ср. Гревс. Очерки... С. 54.

⁵¹ Гревс И.М. К истории моих научных работ // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. Л. 34, 34об.; ср. Скржинская. Ук. соч. С. 235 (с сокращениями).

⁵² Имеется в виду Cercle St Simon Societé historique – своего рода клуб с библиотекой, открытой с утра до ночи, где можно было найти множество газет и все ученые журналы.

- императоров, 4) история патримония, 5) императоры и сельские трудовые классы.
б) право императорского землевладения.

Действительно, Гревсом был собран огромный материал, но в изданном в 1899 г. первом (и оказавшемся единственным) томе «Очерков истории римского землевладения» он не нашел почти никакого применения и был, очевидно, отложен для будущих исследований.

Пока же к печати готовился первый очерк. На мысль о систематическом изучении Горация Гревса, возможно, навело чтение работ одного из главных его учителей в науке – Фюстель де Куланжа⁵³, который для обоснования своих идей пользовался данными о поместье Горация⁵⁴. Сам Иван Михайлович еще летом 1893 г. побывал в Виковаро и его окрестностях и совершил прогулку по местам, где, как установили ученые-антиквары, находилось это поместье⁵⁵. Можно полагать, что материал для очерка собирался и раньше, так что в 1894 г., когда Гревс снова оказался в командировке за границей, он смог довольно быстро написать (или окончательно отделать) текст очерка: он был напечатан в январе 1895 г., а значит послан В.Г. Васильевскому, редактировавшему журнал, осенью 1894 г., уже после того, как с ним ознакомился Иванов.

Выбор стихов Горация как источника для истории римского землевладения нуждался в обосновании. Охарактеризовав особенности личности и таланта поэта, дававшие основания найти в его сочинениях богатый материал по социальной истории⁵⁶, Гревс отмечал: «Внимательное изучение всех произведений Горация должно дать материал, достаточный для того, чтобы на основании данных, извлеченных из его стихотворений, составить общую картину состояния землевладения в римском мире при самом появлении принципата, или, по крайней мере, обозначить ее контуры. – Такой попытки систематически до сих пор никто не сделал, а задача кажется мне небезынтесною для общей цели исследования истории римского земельного строя»⁵⁷. Соответственно, и очерк делился на две части (не считая общего введения). В первой скрупулезно разбирались и складывались в картину данные, сообщаемые самим Горацием о его земельных владениях, прежде всего о поместье в Сабинской земле. Во второй Гревс, обращаясь за примерами к другим источникам и сопоставляя их с данными поэта, стремился подтвердить вывод о сильном преобладании в Италии ко времени установления Империи крупной земельной собственности не только над мелкой, но и над средней. В заключение формулировались некоторые общие идеи о социальных задачах новой, императорской власти (ослаблении могущества земельной аристократии), которые решались прежде всего созданием императорского землевладения в противовес крупному частному, а также созданием и поддержанием мелкой и средней собственности⁵⁸.

Закончив работу над очерком, Гревс в октябре 1894 г. послал его Иванову во Флоренцию. Ответ того был подробный, весьма основательный и включал не только общую оценку работы, но и постраничные (кое-где – и построчные) замечания. Очерк в целом Иванов оценил высоко⁵⁹:

Дорогой друг, Иван Михайлович!

В общем могу искренне и от души поздравить Вас с очень удачным началом! Ваш этюд производит чрезвычайно благоприятное впечатление свежестью и оригиналь-

⁵³ Гревс И.М. К моему научному учению. Кто были мои учителя? // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. Л. 38а: «...“заочно” могу также назвать несомненным своим учителем *Фюстель де Куланжа*. Лично его никогда не видел, но сочинения его оказали решительное влияние на мое методическое и идейное научное развитие».

⁵⁴ Ср. Гревс. Очерк первый. Гораций. С. 89 сл. Прим. 1; С. 164. Прим. 1.

⁵⁵ Там же. С. 98 сл.

⁵⁶ Там же. С. 160 сл.

⁵⁷ Там же. С. 87.

⁵⁸ Там же. С. 187.

⁵⁹ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 4/16 октября 1894 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 32–33.

ностью темы, жизненностью и наглядностью изображений, теплотой отношения исследователя к предмету исследования, тщательностью и интенсивностью вполне научной обработки совершенно исчерпанного и всесторонне освещенного материала: эти достоинства этюда мне кажутся неоспоримыми. Вместе с тем, за ним должна быть безусловно признана новизна сведения рассеянных мелких черт в одну широкую и любопытную картину.

Но это вовсе не значит, что Иванов – блестящий филолог и строгий критик – принял в работе друга все. Очень точно он уловил основную слабость очерка: тот был заявлен как подготовительное исследование⁶⁰, но Гревс, забегая вперед и предвосхищая «широкое синтетическое изображение», включил в него свои самые общие идеи о судьбах римского землевладения.

Из желания сделать эту картину как можно более законченной и рельефной вытекает, по моему мнению, и главный недостаток исследования – излишек «выводов», излишек тем более ощутительный, что материал, доставляемый Горацием, оказывается недостаточным для того, чтобы служить их единственным обоснованием, и автор часто принужден прибегать к другим историческим источникам – не ради иллюстрации того, который он исследует, но для частичной защиты своих преждевременных построений. Отсюда читатель выносит впечатление отчасти некоторой односторонности в освещении картины, отчасти колебаний и неуверенности в установлении окончательных результатов.

У Иванова этот недостаток вызывал тем большую досаду, что он не разделял как раз главный вывод Гревса о подавляющем преобладании крупной собственности в Италии уже в конце I в. до н.э.

Эти общие критические замечания сводятся, конечно, к одному коренному нашему несогласию – к несогласию по вопросу о положении мелкой земельной собственности. Вам показалось недостаточным убедительно констатировать по Горацию распространение латифундий, стремление крупной собственности к поглощению мелкой, частое обезземеление мелких собственников, развитие колонатных отношений: Вам почему-то понадобилось еще на половину отрицать, на половину как бы тенденциозно перетолковывать неоспоримый факт существования в Италии в эпоху Горация мелкой земельной собственности наряду с крупной. Это привело Вас, кроме ряда противоречий, к столкновению с Моммзеном и Фюстелем-де-Куланжем, от возражений которых Вы скорее уклонились, чем оборонились. Но, если это столкновение несомненно неприятно, то едва ли не неприятнее то сомнительное положение, в которое Вы поставили себя, предпринимая доказать на примере экономически-процветающего среднего или даже мелкого землевладельца эпохи Августа – полный упадок современной ему средней и мелкой земельной собственности. По истине, *tour de force*⁶¹ парадоксализма! Между тем, читатель видит прямые указания самого Горация на сохранение старинной земельной собственности в руках скромных владельцев, на возникновение новых мелких собственников преимущественно в лице вольноотпущенных и клиентов, на создание мелкой собственности путем основания колоний ветеранов. Последние были так многочисленны, что не могли остаться без влияния на общий ход социально-экономического процесса; а предполагать, что ветераны Августа вскоре большею частью утратили свои наделы, – единственно на основании отрывочных аналогий времени Суллы и Цицерона, – мы едва ли в праве. Мне кажется, что этюд выиграл бы в отношении определенности, строгости и трезвости выводов и меньше было бы опасности для его автора вступить в противоречие с самим собою в последующих этюдах, если бы тезис о незначительности и разложении мелкой земельной собственности в Горациеву эпоху не выставлялся с такой резкостью и исключительностью. Вот единственное возражение общего характера, которое я имею Вам сделать; частные возражения я сообщаю в прилагаемых замечаниях.

⁶⁰ «Настоящий этюд – уже в силу особенностей самого источника, на основании которого он составлен, – представляет работу чисто описательную: я задавался в нем лишь целью подготовить для общего исследования истории землевладения во время империи определенный, ограниченный одним литературным памятником материал, который может многое осветить при разработке вопроса, но не может дать решающего ответа на него» (Гревс. Очерк первый. Гораций. С. 159–160).

⁶¹ «Дело, требующее силы и ловкости; ловкий трюк» (франц.).

Замечания, приложенные к письму на отдельных листах⁶², касались как тонкостей филологической критики и интерпретации ее результатов, так и более общих вопросов. Иванов, который называл античную филологию своей суженой и избранницей сердца⁶³, сразу же – в методологическом введении к очерку – насторожило противопоставление истории и филологии, вполне понятное и уместное в устах всеобщего историка Гревса, осуждавшего «схоластические перегородки, отделявшие друг от друга различные факультеты и строго разобщавшие сферы исследования хотя бы и родственными дисциплин» и всей душой поддерживавшего «сближение между собой различных отраслей знания, которое все более и более делается характерною особенностью умственного развития современности». Причины малой изученности экономической истории Рима и, в частности, истории римского землевладения Гревс видел во внутренних условиях развития науки⁶⁴:

Все, что относилось к римской древности, долго считалось частною собственностью филологов, и в изучении истории римского народа выдвигались преимущественно те стороны, которые ближе всего отвечали интересам классической филологии. В силу этого древняя история Рима долго не могла вырасти в самостоятельную науку, которая находилась бы в живом общении с соседними однородными отраслями знания, а занимала место как бы вспомогательно-филологической дисциплины, обращаясь более или менее в так называемое «учение о древностях» (Alterthümer)... Ученые, занимавшиеся римскою историей, почти все без исключения принадлежали к разряду филологов, и они охотно подчинялись уже готовым и удобным для них рамкам... Извне только юристы вносили нечто капитально новое в область познания римской древности.

Именно это рассуждение (или, может быть, какое-то иное в том же духе, стоявшее в начале очерка и не сохранившееся в окончательном его тексте на этом месте) и вызвало строгую критику Иванова⁶⁵:

В первых строках этюда неясно противоположение понятий «исторический» и «филологический», тем более, что первое понятие определяется в примечании такими признаками, которые могут быть вполне приписаны и второму. Филология есть именно «наука о классической древности» в ее полном объеме; при этом она не знает другого метода, другого угла зрения, кроме исторического. Что же и изображает иначе филология, как не древний «быт, эволюцию... учреждений, развитие религии, идей, литературы (!), искусства, а также материальной культуры»? Можно подумать, что автор ограничивает область филологии пределами грамматики и критики текстов. Автор—«историк» будет иметь читателей—«филологов», и потому должен остерегаться раздражить гусей.

Иванова не удовлетворило и введение в целом, и он счел необходимым изложить свой взгляд на сложности историко-экономической темы и обстоятельства ее изучения в предшествующую эпоху:

Указание на трудность задачи имеет часто *raison d'être*⁶⁶, но только не в этой связи. Оно никак не может служить объяснением недостаточной разработанности истории римского землевладения. «Архиплатонические» и «методологические» трудности не могли бы сами по себе устроить прежних исследователей римской древности, которым часто приходилось, в других сферах, преодолеть трудности, казавшиеся еще более непреодолимыми. О том, что те же исследователи вполне господствовали над всею массою указанного в этюде исторического, литературного, юридического и эпиграфического материала, – нет надобности и говорить. Если история римского землевладения или вообще экономическая история римского государства исследована недостаточно, то причины этого отрицательного явления лежат отчасти во внутренних условиях развития науки о римской древности, отчасти в условиях развития соседних наук, отчасти в особенностях источников исследования, отчасти в особенностях исследователей. Внутреннее развитие нашей науки было таково, что разве

⁶² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 38–45.

⁶³ Иванов. Автобиографическое письмо. С. 16.

⁶⁴ Гревс. Очерк первый. Гораций. С. 68–69.

⁶⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 38–45.

⁶⁶ «Право на существование» (франц.).

только теперь вопрос экономический мог стать вопросом очередным: до сих пор стоял на очереди вопрос о политическом устройстве и развитии римского государства, и давно ли мы осмыслили это устройство и развитие? Развитие соседних наук было в свою очередь таково, что только в последнее время поставило на первый план интерес к экономическим явлениям исторической жизни. Источники нашего познания экономических явлений римской древности – фрагментарны и случайны; так же фрагментарно и случайно было и научное их исследование: там, где источники слабают в цельную массу, как, например, в вопросе об *ager publicus*, и исследование достигло цельных и солидных результатов; открытие новых текстов в последнее время является новым условием пробуждения интереса к социально-экономическим явлениям римской жизни. Исследователи до сих пор отправлялись, главным образом, *e castris philologorum, partim etiam iuriconsultorum*⁶⁷; Родбертус⁶⁸ был исключительным явлением, в схеме «*Staatsrecht, Staatsverwaltung, Privatalterthumer*»⁶⁹ не замечали существенного пробела; разрушение схоластических загоронок, разделяющих факультеты и науки, было делом сравнительно недавним, как говорит и Моммзен в своем открытом письме. – Вот что я считаю возможным сказать по поводу недостатка капитальных общих трудов по экономической истории Рима. Приводимые автором трудности исследования не идут в эту связь. Читатель узнает о них так, как если бы автор делал личное, автобиографическое сообщение. Этот оттенок очень нежелателен. В общем вступление к «Очеркам», несмотря на интересный библиографический обзор и энергичность постановки новых требований от научного исследования древности, – меня не вполне удовлетворило.

Многое из данной Ивановым характеристики историографической ситуации нашло отражение в окончательном, опубликованном тексте очерка (хотя, как мы видели, Гревс остался при своем мнении относительно роли и задач филологии и истории и не побоялся «дразнить гусей»). Иван Михайлович также принял почти все конкретные замечания друга, а в тех случаях, когда не считал возможным согласиться с ними, дал развернутое обоснование своей точки зрения (например, о тибуртинском земельном владении Горация).

Но участие Иванова в этой работе Гревса не ограничилось замечаниями: по просьбе друга он перевел описание ландшафта, окружавшего сабинское поместье поэта, содержащееся в 16-м послании первой книги:

Вот попытка перевода:

*Там непрерывные горы одною тенистой долиной
Разлучены: правый край восходящее радует солнце;
Левый, склоняясь, златит колесница вечернего Феба,
В легкий окутает туман...*

Если понравится этот не вполне, как кажется, удовлетворительный опыт, можете им воспользоваться, как вообще всем материалом этих примечаний, не называя моего имени. Другой стихотворный отрывок⁷⁰ перевести я затруднился, да и не знаю, нужно ли его приводить в тексте, как мало характерный для интересующихся Горациевым поместьем.

Гревс включил этот перевод (с одним небольшим изменением, о котором см. ниже) в текст очерка, снабдив его примечанием: «Помещенный в тексте перевод этих стихов сделан по моей просьбе другом моим, В.И. Ивановым в Риме, которому я вообще обязан большою признательностью за серьезную помощь, оказанную мне при составлении настоящего этюда»⁷¹.

Подробный разбор этюда Иванов завершил такими словами: «От души желаю вашему “Горацию” литературного успеха, которого он вполне заслуживает». Он так-

⁶⁷ «Из лагеря филологов, а отчасти также и юристов» (латин.).

⁶⁸ Родбертус-Ягецов (Rodbertus-Jagetzow) Карл Иоганн (1805–1875), выдающийся немецкий экономист, автор сочинений по истории народного хозяйства.

⁶⁹ Об этой сформировавшейся в немецкой науке схеме, предполагавшей изучение 1) древностей государственных, 2) древностей административного устройства, 3) древностей частного быта, см. Гревс. Очерки... С. 42 сл.

⁷⁰ Речь идет о 18-й оде второй книги.

⁷¹ Гревс. Очерк первый. Гораций. С. 107. Прим. 1.

же поощрял друга: «Вы же работайте поспешнее, пишите скорее и увереннее!.. Надеюсь скоро получить от вас этюды о saltus'ax и об Аттике»⁷². На очереди стоял очерк об Аттике, и Иванов отвечал на вопрос Гревса, относящийся к участию Аттика в откупах налогов, «выпиской одного примечания своей диссертации» о публиканах⁷³.

Вернувшийся к Гревсу в Париж, очерк о Горации вскоре был отправлен в Петербург. Гревс же послал Иванову письмо с ответами на полученную критику. К сожалению, письмо это не сохранилось, но о главных его пунктах можно судить по письму Иванова от 6 ноября 1894 г.

Иванов вновь обратился к своему стихотворному переводу и опять (видимо, в ответ на повторную просьбу друга) отказался переводить еще один⁷⁴:

В переведенных мною стихах слова «одною тенистой» прошу Вас заменить словами «одной отененной» (смотрите, чтобы не напечатали «оттененной»!), так что отрывок будет гласить:

*Там непрерывные горы одной отененной долиной
Разлучены: правый край восходящее радует солнце;
Левый, склоняясь, златит колесница вечернего Феба,
В легкий окутав туман...*

18^ю оду 2^ю книги, как она мне ни нравится, я бы не решился переводить, не имея под рукой для сравнения Фетова перевода всей пьесы, – уже из одного страха опасной конкуренции.

Главное разногласие оставалось: видимо, Гревс продолжал настаивать на своем, и Иванов, по крайней мере внешне, смягчил свою позицию и вроде бы устранился от спора по существу:

Что касается нашей контroversы о положении мелкой земельной собственности, я советовал Вам только не настаивать на тезисе об ее упадке с прежнею резкостью и исключительностью, – именно ввиду того, что сколько-нибудь строго доказать этот тезис из одного Горация, как Вы сами признаете, невозможно... Но этот спор пусть решится, как угодно будет богам⁷⁵.

А вот что касалось «важного пункта о тибуртинском поместье», Иванов сдаваться не собирался и продолжал настаивать на своем (очевидно, в ответ на несогласие Гревса с изложенной критикой).

В целом же Гревс отреагировал на замечания Иванова спокойно и с искренней благодарностью. Задел его только слова о «tour de force», в которых можно было усмотреть упрек в научной недобросовестности. Видимо, именно поэтому под последним пунктом (е) своих ответов, на психологически самой сильной позиции, Иванов поместил следующее рассуждение, разъясняющее суть его критики:

Мне остается оправдать свои слова о «tour de force». Впечатление парадоксальной неожиданности с тем большею необходимостью должно быть вынесено читателем

⁷² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 33.

⁷³ Ivanov. De societibus vectigalium... P. 16. Adn. 80 (опубликованный текст в точности соответствует выписке, приведенной в письме Гревсу в октябре 1894 г.).

⁷⁴ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 6 ноября 1894 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 36-37.

⁷⁵ Вопрос о роли и положении мелкой и средней земельной собственности в Италии и о пределах роста крупного землевладения в конце периода Республики долгое время оставался дискуссионным и не может считаться полностью решенным даже в наши дни, когда стало возможным широкое использование данных археологии и аэрофотосъемки (сбалансированную точку зрения см. Nicolet C. Economie et société (133–43 av. J.-C.) // Nicolet C. Rendre à César. Economie et société dans la Rome antique. P., 1988. P. 65–69; idem. Rome et la conquête du monde méditerranéen 264–27 avant J.-C. T. 1. Les structures de l'Italie romaine. 3e éd. P., 1987. P. 108–111; а также ср. Marcone A. Storia dell'agricoltura romana. Dal mondo arcaico all'età imperiale. Roma, 1997. P. 130). В отечественной науке постепенно возобладало мнение ученых, отрицающих значительную земельную концентрацию уже в период Республики и подчеркивающих немалую роль свободного крестьянства и связанных с ним форм землевладения и господство в это время рабовладельческой виллы средних размеров (Кузицин В.И. О степени распространения латифундий в конце Республики // ВДИ. 1957. № 1. С. 64–81; он же. Римское рабовладельческое поместье II в до н.э. – I в.н.э. М., 1973. С. 248–253; он же. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. – I в. н.э.). М., 1976. С. 6, 130 сл., 227, 236, 245 сл.; Штаерман Е.М. История крестьянства в древнем Риме. М., 1996. С. 89–92, 106, 119, 125 сл.).

из Ваших рассуждений о падении мелкой и средней собственности, чем ярче удалось Вам нарисовать в его воображении картину достатка и довольства поэта – мелкого помещика. Я хотел указать Вам на то, что многих должно поразить это прежде всего формальное противоречие. Что «поэт-помещик» не мелкий, а средний собственник, Вы это показали; но Вы же старались доказать, что его собственность имела минимальные размеры в сравнении с типичною крупною собственностью его эпохи. Напрасно настаиваете Вы теперь, что Гораций «не процветал, как самостоятельная сила». Вы сами доказали, что, как помещик, он пользовался полною экономической независимостью. Его fundus кормил целое маленькое население. Если его экономическое положение является прекарным⁷⁶, то лишь постольку, поскольку он предъявляет притязания выйти из своего круга и примкнуть в высшему обществу.

Иванов торопил Гревса с написанием следующего очерка. Однако, судя по тому, что первую часть этюда об Аттике Гревс ему послал только в декабре 1895 г. уже из Петербурга, а в Париже во время командировки занимался в основном сбором материала о крупном землевладении в эпоху Империи (и наряду с этим, по его словам, «прочел всего Цицерона» – ср. выше, с. 185. прим. 51), работа над очерком об Аттике в то время находилась еще на начальной стадии.

О дальнейшей судьбе уже готового очерка о Горации в связи с перспективами своей диссертации Гревс писал Иванову в начале декабря 1894 г. на свободном полуплисте письма, полученного от Васильевского из Петербурга⁷⁷:

Дорогой Вячеслав Иванович,

Посылаю Вам только что полученное письмо Васильевского. Оно будет Вам интересно потому, что касается нашего Горация (говорю «нашего», т. к. считаю Вас наполовину автором его во всем, что есть в нем хорошего) <...> Мне важно посоветоваться с Вами о той «затаенной» мысли, которую высказывает Васильевский, прикрывая ее оболочкою дружески шуточного юмора. Вы видите, что он предлагает мне сделать из нескольких «Очерков» магистерскую диссертацию. Лично с принципиальной точки зрения мне этот план очень не нравится: диссертация должна представлять нечто стройное и систематическое, особенно когда она исходит от такого «старца», как я. – Но исполнимость плана, выводящего меня из моего запутанного научного положения, очень заманчива и привлекательна. Может быть, даже если несколько переделать Горация и присоединить к нему этюд об императорском землевладении и о Плинии и может быть два-три мелких очерка и сделать общее заключение, выйдет и нечто не вполне отрывочное. – Напишите мне, что Вы думаете о таком «*ris aller*»⁷⁸ и будьте строги – не увлекайтесь за меня практичностью предложения Васильевского.⁷⁹

Ответ Иванова не сохранился, но и молчание о нем Гревса, не желавшего ни спорить, ни уступать, и былые увещания Иванова и Крашенинникова поторопиться с диссертацией, и упоминания в последующих письмах⁸⁰ позволяют с большой вероятностью предположить, что Иванов план Васильевского поддержал.

Наступающий новый 1895 год, казалось, обещал обоим друзьям быстрое продвижение к долго отодвигавшейся цели. Этими надеждами и взаимными пожеланиями полны письма, которыми они обменялись в новогодние дни. Гревс воодушевлял Иванова, поскорее переписав набело диссертацию, уже весной ехать в Берлин, чтобы сделать «последний шаг к докторату», а свою собственную медлительность пытался оправдать «неблагоприятными условиями, недостатком таланта и плохим на-

⁷⁶ «Шаткое, непрочное» (от франц. *grésaire*, итал. *grésario*, в свою очередь восходящего к латин. *grésarius* – «данный из милости», «ненадежный»).

⁷⁷ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 22 ноября/4 декабря 1894 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 41. Л. 3-4. О текущей работе сказано кратко: «Засел за “сальтусы” – очень много предстоит трудностей при разработке вопроса. Скоро напишу Вам о разных сомнениях».

⁷⁸ «Крайнее средство» (франц.).

⁷⁹ К этому месту Гревс сделал примечание карандашом: «Гораций, впрочем, мне кажется слишком легковесен (или легок) для того, чтобы войти в диссертацию».

⁸⁰ В новогоднем (1895 г.) письме из Рима Иванов писал: «Отчего Вы ничего не пишете мне о тех касающихся Вашей диссертации соображениях, которые я высказал в предыдущем письме. с коим возвратил Вам письмо Васильевского?» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 49).

учным образованием»⁸¹. Судя по всему, это письмо было принято Ивановым близко к сердцу. Он незамедлительно отправился в Рим, чтобы доделывать свою диссертацию⁸², и уже оттуда написал Гревсу, откликаясь, в частности, и на рассуждения того о талантах каждого из них⁸³:

...пишите побольше и вместе присылайте скорее Ваши научные работы, к которым здесь, в Риме, я могу отнестись сознательнее при наличии нужных научных средств <...>. Каково Ваше научное настроение? Одно советовал бы Вам: работать с большею смелостью и уверенностью; а большой научной храбрости я, к сожалению, не вижу в тех субъективно-искренних, хотя и не выдерживающих объективной критики фигурах уменьшения и самоуничужения, которыми Вы так же любите наполнять свои письма всякий раз, когда заговорите о своих научных силах, как фигурами преувеличения в тех местах, где Вы судите о моих научных способностях. Уже моя недостаточная научная продуктивность свидетельствует об отсутствии решительно выраженного таланта к той научной области, которую я хочу культивировать. Заблуждаетесь Вы и относительно моей мнимой нерешительности: будь я достаточно подготовлен, я бы не медлил более ни минуты; но именно моя неподготовленность обуславливает мой образ действий.

Работа Гревса в Париже продвигалась с большим трудом, а время командировки немолимо шло. Иван Михайлович вынужден был открыто признаться – с планом Васильевского надо соглашаться. В феврале 1895 г. он отправил Иванову большое письмо, в котором изложил свои научные планы⁸⁴:

Что касается моих научных дел, то Ваши слова, убеждения и соображения поколебали мою «*gèrignance*»⁸⁵ – сделать «Очерки» диссертацией. Я Вам верю глубоко – и раз Вы говорите, что так поступить прилично после того, как Васильевский это предлагает, склоняюсь и я, так как вижу, что иначе докончить дела не успею. Я работаю теперь над очерком об императорском землевладении от утверждения империи до Диоклетиана (или несколько раньше?), в который разрастается то, что я хотел сосредоточить около *saltus*'ов: рассчитываю на 10–15 листов, затем нечто подобное по величине думаю сделать из своего материала о частновладельческой собственности в тот же период (с Плинием в центре). Я думаю, что эти два очерка я успею кончить до возвращения в Россию. Затем «Горагия» я бы хотел переделать несколько (если бы я имел в виду возможность такой комбинации, я бы иначе его редактировал, предпослав ему (его я бы оставил в виде «прелюдии») руководящее предисловие), а в конце дал бы общее заключение в том духе, как Вы бы хотели (только сумею ли?.. Вы очень многого требуете!), которое сконцентрирует в общем выводе идеи, проходящие через все три очерка. Таким образом выйдет книга около 40 печатных листов, и если содержание ее удовлетворительно, то диссертация окажется увесистая <...>

Если бы дело решилось так, чтобы «Очерки» действительно обратились в диссертацию, это феноменально двинуло бы меня вперед – дело было бы более или менее в шляпе!

Так сложился план превращения «Очерков» в диссертацию⁸⁶, который в конечном счете и осуществился, хотя вышедший в 1899 г. том заметно отличался по своему составу от намеченного в 1895 г. замысла: в нем не было разделов об императорском землевладении («сальтусов») и частной крупной собственности («Плиния Младшего»), зато центральное место заняли как раз очерки о Горагии и об Аттике.

⁸¹ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 20 декабря 1894 г. / 1 января 1895 г. // РГБ. Ф. 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 7–8.

⁸² О растянувшейся на годы работе Иванова над диссертацией см. *Бонгард-Левин*. Вяч. Иванов... С. 155–170; *Wachtel*. *Op. cit.* P. 355–360.

⁸³ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 30 декабря 1894 г. / 11 января 1895 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 48.

⁸⁴ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 29 января / 10 февраля 1895 г. // РГБ. Ф. 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 10, 10об.

⁸⁵ «Отвращение, нежелание» (франц.).

⁸⁶ «Меня очень обрадовало то, что вы пишете об обращении моих «Очерков» в диссертацию. После Вашего одобрения я окончательно на это решаюсь» (И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 13/25 февраля 1895 г. // РГБ. Ф. 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 12).

Конец зимы и начало весны 1895 г. были временем, когда Гревс наиболее подробно писал о своей работе. Он делился опасениями, которые вызывали в нем «соперники» – ученые, занимавшиеся «его» темой, и удивлялся безразличному отношению Иванова к этому вопросу⁸⁷:

Чрезвычайно сожалею что Вы не познакомились с Шультенем⁸⁸; мне бы интересно было знать Ваше впечатление о нем, об этом страшном моем rival'e, блестящем твердостью немецкой эрудиции, которую я так уважаю, и которой (увы!) сам так чужд! – Я очень удивлен, что на Вас, по-видимому, не произвело впечатление то обстоятельство, что Гиро⁸⁹ захватил в свои руки всю громадную область римского землевладения⁹⁰. – Меня же, по правде сказать, это очень поразило, и мне кажется, что, выпустив книгу «Очерков», я должен буду сложить оружие перед его ногами и взяться за другой вопрос для докторской работы. Скажите, как вы полагаете?

Благодаря тому, что Иван Михайлович дает подробный «отчет» о уже проделанной работе и ее перспективах, мы можем судить о том, насколько далеко он продвинулся в своих исследованиях:

Сегодня окончил обозрение государственных земель (ager publicus в Италии и провинциях), которое мне нужно, как установка исходной точки и зерна императорского землевладения. Стоило оно много труда, что вышло, не знаю. Буду дальше идти (1) степень власти императора над этими государственными земельными имуществами; 2) способы их приращения; 3) императорский патримоний и т.д.) и отделять законченное: когда отделаю эту первую главу, я думаю, пришлю Вам ее (или Вы бы хотели все вместе?).

Осталось мне полгода заграничной жизни. О возвращении в Россию думаю с большим беспокойством <...>

Спасибо большое за указания, которыми вы заканчиваете свое письмо. Непременно воспользуюсь ими. Я теперь тоже очень плохо слежу за новостями – весь погружен в писание. Много читал Цицерона – эксперпировал его всего, кроме философских вещей (боюсь только, что чересчур бегло). Много интересного в нем для меня. Читаю Плиния Старшего (для 3-го этюда) и часто удивляюсь, какой он, с позволения сказать, был дурак! Ведь три четверти чепухи у него в громадном его сочинении. А все-таки «latifundia perdidere Italiam!»⁹¹ И дураки бывают правы!

В таком приподнятом настроении Гревс и собирался ехать весной 1895 г. для продолжения работы в Рим, рассчитывая встретиться там (или, скорее, уже во Флоренции) с Ивановым. Однако тот по личным причинам (не объясняя их другу) задержался в Риме; тогда встревоженный Гревс ускорил свой отъезд из Парижа и еще в марте приехал в Рим, где оба находились до начала апреля. После отъезда Иванова во Флоренцию Гревс еще примерно на неделю остался в Риме, работая в Германском археологическом институте. Вослед другу он писал 8 апреля, в понедельник: «Занимаюсь изо всех сил, чтоб воспользоваться последними днями – масса дела подавляет. Выеду в четверг вечером (утром еще открыт Институт) <...> Ужасно не хочется уезжать из Рима – много дела...»⁹². Гревс торопился во Флоренцию, чтобы встретить с

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Адольф Шультен (1870–1960), немецкий историк и археолог, занимавшийся историей римского землевладения и впоследствии в особенности археологией и историей античной Испании.

⁸⁹ Поль Гиро (1850–1907), французский историк, ученик Фюстель де Куланжа, автор «Истории землевладения в Греции до римского завоевания» (книгу о римском землевладении он написать не успел).

⁹⁰ Ср. в предыдущем письме Гревса: «Знаете что? – Гиро (Paul Guiraud) работает над обобщенной историей землевладения в Римском мире от основания Рима до падения империи. – Он думает окончить работу лет в 5–6, подробно еще не удалось поговорить с ним, но еще надеюсь много раз поговорить с ним. Только, боюсь, будет помалкивать!» (РГБ. Ф. 109. Картон 9. Ед. хр. 25. Л. 10об.).

⁹¹ «Латифундии погубили Италию» – знаменитая фраза из «Естествознания» Плиния Старшего (18. 35), от которой во многом отталкивался в своем исследовании стремившийся обобщить справедливость вроде бы содержащегося в ней суждения Гревс.

⁹² И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 27 марта / 8 апреля 1895 г.// РГБ. Ф. 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 17.

друзьями Пасху, приходившуюся в 1895 г. на 2/14 апреля. Именно там Иван Михайлович оказался ближайшим свидетелем решительного поворота в судьбе близких ему людей – ставшего свершившимся фактом разрыва Вячеслава Иванова с женой, Дарьей Михайловной. Эти события глубоко потрясли Гревса, считавшего себя виновником случившегося⁹³ (именно он познакомил Иванова с Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал) и омрачили, по крайней мере на время, его отношения с другом.

Сразу по возвращении из Италии в Париж Гревс «по уши»⁹⁴ погрузился в работу, о чем сообщал Иванову открыткой в довольно скупых словах: «Последними апрельскими днями воспользовался недурно (патримоний в форме первоначального очерка приходит к концу); теперь надо переходить к самым трудным “синтетическим” задачам...» (там же). Таким образом, работа над историей императорского землевладения за два месяца значительно продвинулась вперед. К сожалению, именно в это время переписка почти прекращается. В конце лета Иванов вместе с Лидией Дмитриевной живет недалеко от Парижа, но отсутствие подробных писем Гревса и Иванова объясняется не возможностью тесного личного общения (которого как раз и не было), а омрачившей их дружбу тенью отчуждения⁹⁵:

22 августа 1895 г.

Дорогой Вячеслав Иванович,

Мне очень печально, что мы совсем не видимся с Вами, не достаёт очень общение с Вами, умственное и, в частности, научное. Но никак не удастся с Вами встречаться – к Вам мне решительно невозможно съездить, Вы ко мне же приходите (мне бы очень было радостно, если бы Вы посещали меня хоть иногда по вечерам), в библиотеке также Вас не видно... Я лично активно не приглашаю Вас очень настоятельно, не навязываю Вам также своих научных вопросов потому, что чувствую, что Вы потеряли к ним интерес, а отвлекать Вас сам, если это действительно так, я боюсь <...>

У меня еще к вам есть одна специальная «ученая» просьба. Не придете ли для этого в библиотеку в понеделник, если раньше не увидимся?

Длительная заграничная командировка завершилась, и в конце сентября 1895 г. Гревс вернулся в Петербург. Там на него сразу навалились дела, и три открытки, посланные им Иванову во время пребывания того в Петербурге в октябре, полны только сетованиями Ивана Михайловича на занятость, из-за которой друзьям никак не удавалось свидеться. Но в Петербурге они все-таки встречались и обсуждали научные дела: в частности, возможность распределить очерки Гревса на два тома, из которых второй должен был стать докторской диссертацией⁹⁶. Из Петербурга Иванов поехал в Берлин заниматься «формальностями, соединенными с представлением диссертации и пересмотром последней», а затем в начале декабря отправился в Париж, откуда уже и писал Гревсу: «Как жаль, что Ваше место в аквариуме⁹⁷ занято в настоящее время не Вами: мы виделись бы там ежедневно... С нетерпением жду письма от Вас. Окончили ли Вы “Атика”? Я надеюсь получить его в ближайшем будущем; не медлите с этим»⁹⁸. Гревс будто только и ждал этого призыва⁹⁹:

Согласно Вашему разрешению посылаю Вам первую часть «Атика». Пожалуйста, просмотрите его лишь бегло (боюсь ужасно у Вас отнимать время!), сделайте те замечания, которые подвернутся под руку и, пожалуйста, *не задерживайте дольше 5 дней*: мне надо исправить то, что будет Вами указано, переписать и представить к

⁹³ См. *Дешарт О.* Введение // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. I. Брюссель, 1971. С. 27.

⁹⁴ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 19 апреля / 1 мая 1895 г. // РГБ. Ф. 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 18.

⁹⁵ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 10/22 августа 1895 г. // Там же. Л. 19 (открытка).

⁹⁶ Об этом Иванов напоминал в феврале 1896 г. (в письме, цитируемом ниже).

⁹⁷ Речь идет о парижской Национальной библиотеке – обычном месте встреч Иванова с Гревсом.

⁹⁸ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 29 ноября / 11 декабря 1895 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 52^о53.

⁹⁹ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 5/17 декабря 1895 г. // РГБ. Ф. 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 23.

печати в самых первых числах нашего января¹⁰⁰. В виду этого мне необходимо получить рукопись обратно *не позже как 18–19 декабря (по старому стилю)*. Работа готова уже давно, но, не зная, где Вы, я выслать ее не мог. Заранее благодарю Вас за новый труд. Напишите, присылать ли дальнейшее?

Принимая во внимание загруженность Гревса в Петербурге, можно предположить, что очерк об Аттике для публикации в журнале он начал писать еще в Париже, и «специальная “ученая” просьба», о которой он писал 22 августа, была связана как раз с этой работой¹⁰¹. Иванов откликнулся на присылку рукописи с энтузиазмом¹⁰²:

Дорогой Иван Михайлович,

Чтение «Аттика» доставило мне живейшее удовольствие, и я надеюсь, что Вы не откажитесь продолжить его скорою присылкой остальной, важнейшей и, по самому существу дела, наиболее самостоятельной части Вашего исследования. К сожалению, связанный поставленным Вами сроком (который – простите – я все же не сумел соблюсти в полной точности, получив работу 22го вечером и намереваясь отослать ее 29го утром, что превышает немного число 5 дней), – связанный сроком, я не мог рассмотреть этюд с достаточной интенсивностью; но серьезных разногласий между нами на этот раз нет. Общее впечатление от ознакомления с работой – то, что она удалась Вам превосходно. Немногочисленные возражения мои касаются лишь второстепенных подробностей. Более общим недостатком можно назвать разве некоторую многословность, бросающуюся в глаза здесь и там. Достоинства Ваших «Очерков», проявившиеся уже в этюде о Горации, – достоинства, к которым я прежде всего причисляю новизну постановки и связи вопроса, оригинальность «биографического метода», полноту исследования, наглядность и живость исторического изображения, – не изменяют Вам и в настоящем случае, сопровождаясь, с другой стороны, склонностью к дигрессиям¹⁰³ и углублению в ненужные для связи целого подробности, к увлечению мелочами портретной живописи на огромном полотне исторической картины, – склонностью, составляющею, должно прибавить, общую слабость биографов и нравоописателей. Одним словом, «Очерки» идут вперед как нельзя лучше, и я желаю только, чтобы они шли скорее – и скорее составили столь любопытный первый том Вашей двойной диссертации, в успехе которого я заранее уверен <...>

Снова бегло перечитал вашу рукопись. Прекрасный этюд! Высказанный мною вскользь упрек в многословии, замечающемся в отдельных местах, – требует большего ограничения: при быстром чтении этого впечатления не выносишь. Работа очень хорошо построена и вообще чрезвычайно мне нравится¹⁰⁴.

Иванов не ограничился общей оценкой работы, а сопроводил свое письмо подробнейшими замечаниями на нескольких листах с отдельной пагинацией¹⁰⁵, разделен-

¹⁰⁰ Первая часть очерка вышла в февральском номере: *Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения во время Империи. Очерк второй. Т. Помпоний Аттик (друг Цицерона)*, как представитель особого типа земельных магнатов в переходную эпоху от республики к империи // ЖМНП. 1896. Февраль. С. 297–340; далее – Очерк второй. Аттик. I.

¹⁰¹ Речь могла идти тогда, например, о толковании сложных или темных мест античных авторов, в особенности на темы, близко знакомые Иванову (финансы и т.п.). В замечаниях на «Аттика» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 62–67) Иванов упоминал о таком разговоре: «В вопросе об интерпретации места Корнелия Непота: “cum enim versuram” scil., я согласен не с Вами, а с Друмманом. При устной беседе с Вами я не имел возможности вникнуть в текст, теперь же нимало не сомневаюсь, что толкование Друмманна *единственно возможное...*» (ад Р. 17 Г).

¹⁰² Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 16/28 декабря 1895 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 54–55.

¹⁰³ «Отступления» (от латин. digressio).

¹⁰⁴ В ответ Гревс писал: «Напрасно только в приписке смягчаете Вы осуждение отмеченного недостатка: многословие – есть безусловно мой грех; я никогда не в состоянии буду выработать в построении и изложении моих работ той гармонии сжатости, той юридической строгости, отвлеченной цельности, которая так ярко характеризует Павла Гавриловича [scil. Виноградова], которая проявляется и в Вашей работе. Я утешаюсь только тем, что мое многословие – фактическое (излишние подробности), а не пустое (переливающаяся вода), но буду стараться, сколько могу, искоренять и его» (И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 10/22 января 1896 г. // РГБ. Ф. 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 24, 24об).

¹⁰⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 62–67.

ными к тому же на две части: замечания по содержанию, озаглавленные просто «Аттик», и замечания по стилю и форме, названные «Quisquilia»¹⁰⁶. Как и в случае с «Горацием», Гревс отнесся к замечаниям очень внимательно: некоторые принял безоговорочно, другие принять не захотел, но и в этих случаях доводы, приведенные Ивановым, не были им оставлены без внимания, о чем свидетельствует опубликованный текст очерка.

В первой части очерка Гревс, рассмотрев сначала происхождение Аттика и разнообразные пути его обогащения, сосредоточился на его «банкирских и вообще торгово-промышленных предприятиях»¹⁰⁷. С точки зрения главной темы – истории римского землевладения – это было лишь вступление, и не случайно Иванов писал, что надеется вскоре получить остальную – важнейшую и наиболее самостоятельную часть исследования. Вводный характер работы, не предполагавший значительных общих выводов, объясняет и отсутствие у Иванова серьезных разногласий с Гревсом. Однако и «немногочисленные возражения», касающиеся «лишь второстепенных подробностей», представляют немалый интерес, так как демонстрируют своеобразие исследовательской индивидуальности обоих. Остановимся на некоторых пунктах разногласий.

Так, в вопросе о характере финансовой помощи Аттика Афинам, когда город вынужден был прибегнуть к новому займу, чтобы рассчитаться по прежнему обязательству (*versura*), Иванов отстаивал толкование Друмана (см. выше прим. 101), согласно которому Аттик выступил лишь в роли посредника при заключении этого нового займа, не взяв с афинян комиссионных за эту «услугу». Гревс остался при своем мнении, полагая, что Аттик сам ссудил Афины деньгами на беспроцентной основе¹⁰⁸. Сопоставление обеих позиций показывает, что Иванов, рассуждая прежде всего как филолог и знаток права, исходил главным образом из анализа внутренней логики краткого описания у Корнелия Непота именно этого эпизода, Гревс же как историк, ищущий в источнике подтверждения своей концепции, считал, что принять толкование Друмана «...значит бесконечно ослаблять общее содержание всего текста»¹⁰⁹, свидетельствующего о великодушии Аттика. Поэтому он продолжал, приводя новые аргументы (в частности, по поводу того, какого рода посредничество могло описываться словами *se interponere*), настойчиво отстаивать свою интерпретацию как «несомненно самую вероятную по внешним и внутренним соображениям»¹¹⁰.

Несмотря на заявленное отсутствие серьезных разногласий в замечаниях явно проглядывает несогласие с общей оценкой хозяйственной деятельности Аттика у Гревса, по мнению которого Аттик сознательно поставил перед собой цель увеличить свое состояние и достичь большого богатства, чтобы утвердить свою личную свободу в эпоху крушения республики¹¹¹. Иванов же был не склонен считать, что поведение Аттика выходило за рамки римской традиции¹¹².

Приведенные слова Непота¹¹³ сами по себе далеко не подтверждают мысли о систематическом и, так сказать, профессиональном умножении имущества. По Непоту, Аттик только удовлетворял общему требованию от *pater familias*, в круг обязанностей которого входила, с точки зрения римской морали, – одну из первых, – *diligentia*, – хозяйственная рачительность.

¹⁰⁶ «Пустяки, вздор» (латин.).

¹⁰⁷ Гревс. Очерк второй. Аттик. I. С. 340. Прим. 2.

¹⁰⁸ Гревс. Очерк второй. Аттик. I. С. 308 слл. Прим. 6.

¹⁰⁹ Там же. С. 309.

¹¹⁰ Там же. С. 310. В письме от 22 января / 3 февраля 1896 г. Иванов писал: «Не сердитесь за «ученую полемику». Не очень упрямитесь: боюсь, что вы не приняли защищаемой мною интерпретации Друмана относительно дел Аттика с афинянами!» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 61об.).

¹¹¹ Гревс. Очерк второй. Аттик. I. С. 311.

¹¹² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 62–67 (ad P. 13. Прим. 4).

¹¹³ Речь идет о фразе из 4-й главы «Жизнеописания Аттика»: «Много лет провел он в этом городе, заботясь о своем имуществе так, как это пристало рачительному главе дома» (*Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер., статья и комм. Н.Н. Трухиной. М., 1992. С. 103 сл.*).

Гревс прислушался к этому замечанию, но так, чтобы не пожертвовать своим главным выводом: оставив на прежнем месте (т.е. после слов: «Удалившись из Рима и утвердив в Афинах свое местопребывание, Аттик и заданья целью систематически увеличивать свое состояние») ссылку на указанную фразу Непота (Att. 4), в самом примечании он после латинской цитаты добавил: «Биограф-панегирист старается смягчить представление о широте и последовательности приобретательской деятельности Аттика, постоянство и интенсивность которой будет обнаружена на следующих страницах, характеризуя ее – лишь как выполнение одной из функций хорошего хозяина, обязательных с точки зрения римской морали»¹¹⁴.

Прорывающееся то и дело в отдельных замечаниях общее несогласие Иванова в конце концов было выражено им совершенно определенно¹¹⁵:

Замечание о том, что «трудно понять, почему Аттик решился бы взять у Пилия дочь себе в жены», если не предполагать, что она принесла ему богатое приданое¹¹⁶, мне кажется произвольным и несправедливым. Увлекаясь своею экономическою точкою зрения, Вы склонны своему портрету Аттика придать черты Шейлока и игнорировать все благоприятные стороны его заведомо привлекательной, по суждению всех лучших современников, и высоко культурной личности, – ради одностороннего освещения его стремления к стяжанию, стремления, никогда однако не обращавшегося в нем в позорную страсть, которая бы нарушила аттическую гармонию его характера.

Упрек этот не вполне справедлив: Гревс действительно увлекался экономической точкой зрения, поскольку писал именно «имущественную биографию» Аттика, но он не устал подчеркивать «ловкую и благонамеренную осторожность» своего героя, отличавшую его от алчных и наглых современников¹¹⁷. «Аттик не принадлежал к числу тех приобретателей, которые в пылу коммерческой деятельности увлекаются самым ее процессом и в нем находят если не цель, то главную прелесть жизни; расширение материальных средств было в глазах его лишь путем обеспечения свободного от зависимости и спокойного от случайностей существования. Он избегал многих опасностей, связанных с рискованными предприятиями капиталистов...»¹¹⁸.

Действительно, не следует преувеличивать серьезность разногласий: в замечаниях Иванова, иной раз не лишенных личностного отношения к предмету, чаще всего проглядывает скорее несовпадение жизненных позиций и умонастроений¹¹⁹:

Напрасно Вы темное дело о злоупотреблениях Саллюстия в Африке выставляете как знаменитый пример хищничества и ставите одного из первых историков на одну доску с Верресом, – когда так легко сослаться на Фонтя, Габиния и столько других.

Гревс последовал совету Иванова, обидевшегося за коллегу по цеху, жившего две тысячи лет назад, и убрал упоминание о деле Саллюстия, заменив его ограблением Галлии Фонтеем¹²⁰.

Судя по всему, при повторном просмотре рукописи Гревса (или своих подготовительных заметок) Иванов сделал еще несколько замечаний. Среди них есть два, в которых упомянуто имя Моммзена. В одном¹²¹ Иванов отмечает неточность формулировки Гревса «*Звание всадника очень рано сделалось наследственным*» в юридическом смысле и допускает возможность говорить разве только о фактической наследственности всаднического сословия в те времена, ссылаясь при этом на автори-

¹¹⁴ Гревс. Очерк второй. Аттик. I. С. 311. Прим. 3.

¹¹⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 62–67 (ad P. 34).

¹¹⁶ Ср. Гревс. Очерк второй. Аттик. I. С. 337: «Ее [scil. Пилии] происхождение неизвестно, но, очень может быть, что отец ее, хоть и темный человек, обладал хорошими средствами, иначе трудно понять, почему Аттик, искавший прежде всего капиталов и связей, решился бы взять у него дочь себе в жены».

¹¹⁷ Там же. С. 311.

¹¹⁸ Там же. С. 337 сл.

¹¹⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 62–67 (ad P. 17. Прим. 5).

¹²⁰ Гревс. Очерк второй. Аттик. I. С. 314 сл. Прим. 5.

¹²¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 62–67 (ad P. 11).

тет моммзеновского «Staatsrecht». Выделенные Ивановым слова Гревс в статье оставил без изменения, а сделанные им далее оговорки, к стати, без ссылки на Моммзена («фактически этот порядок установился задолго до того... и т.д.») свидетельствуют скорее о недопонимании строгости требований Иванова к юридической чистоте формулировок¹²². В другом замечании подчеркивается важность различия между крупной земельной собственностью и крупным, латифундиарным хозяйством: это различие, «на котором настаивает Моммзен, не должно быть игнорируемо; напротив, выдвинуто на первый план. Ведь Вы говорите о развитии крупной собственности, недостаточно выясняя вопрос, в какой мере уживалось с ней мелкое, колонатное хозяйство»¹²³. На полях против этого абзаца в письме Гревс поставил знак вопроса: очевидно, замечание требовало не просто согласия и принятия (в этих случаях соответствующие абзацы в письме перечеркивались), а приглашало к более длительным размышлениям над одним из центральных вопросов истории римского землевладения.

Разумеется, Гревс благодарил за «новую серьезную дружескую услугу»¹²⁴.

Мне очень дорого было получить ряд Ваших таких тщательных замечаний, а общая оценка, хотя и снисходительная, местами даже до смешного (где Вы, например, провидели в моей работе «огромное полотно исторической картины»?), тронула и вдохновила меня. Спасибо большое! <...>

Меня особенно обрадовало в Ваших замечаниях отсутствие существенных несогласий и указаний на крупные промахи. Мне всегда очень дорого согласие с Вами и Ваше одобрение, так как я очень верю в Ваши знания, верность взгляда и вкус. С большею частью возражений я согласился, только в некоторых пунктах остался «упрям» (теперь некогда пересказывать, в чем); но только после Вашего ответа мог я спокойно передать рукопись Васильевскому. Ваша деятельная научная дружба есть положительно необходимое условие моего движения ...

Вместе с благодарностью в Париж Иванову должно было отправиться и продолженные рукописи:

Я надеялся гораздо раньше отослать Вам вторую часть Аттика (отправляю ее сегодня!), но я очень плохо провел праздники – проболел половину их, так что привел ее к возможному для посылки виду только к сегодняшнему дню. Третья глава (заключение) еще далеко не дописана, так что я предвижу ясно, что придется пропустить месяц (март) для напечатания окончания статьи и поместить ее в апреле¹²⁵<...> Мне кажется, что придется много исправить в тексте, что он менее обработан (так как более сложен), чем в первой части, и что Вы выскажете более возражений. Не очень только нападайте на «дигрессии» по вопросу о «домах» и о «подгородном землевладении»: я хочу в каждом §е дать маленький эскиз вопросов, вызываемых отрывочными известиями о недвижимой собственности Аттика, иллюстрирующий их и осмысливающий. Будьте в этом смысле примирительны! В разрез с данными я не иду и, мне кажется, естественно их интерпретирую, так что представление получается, думается, немножко живое и в общем правильное. – Боюсь, что самая внешность рукописи (много отдельных листков) будет мешать Вашему вниманию, производить впечатление разбросанности более значительной, чем на деле – к потере времени для Вас и к моей невыгоде. – Во всяком случае я, как всегда, чувствуя угрызения совести, за причиняемый Вам труд, прошу не очень углубляться в критику моих кропаний, которые Вы так важно называете «исследованиями». В середине рукописи недостает нескольких страниц (об Аттике – посессоре *agri publici*), которые я вышлю завтра <...>

Жду с нетерпением новой критики и дрожу за то, что уже нельзя ей будет быть такой благосклонной.

И письмо, и вторая часть «Аттика» целиком были отосланы на следующий день с такой припиской¹²⁶:

¹²² Гревс. Очерк второй. Аттик. I. С. 307. Прим. 2.

¹²³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 62–67 (ad P. 3).

¹²⁴ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 10/22 января 1896 г. // РГБ. Ф. 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 24–25.

¹²⁵ В действительности очерк печатался в таком порядке: ЖМНП. 1896. Февраль. С. 297–340. Июль. С. 1–66. Сентябрь. С. 76–140.

¹²⁶ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 11/23 января 1896 г. // РГБ. Ф. 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 26.

Вчера не успел послать – посылаю сегодня уже все (т.е. с листами, обозначенными в письме как пропущенные). Надоел мне уже Атик ужасно, а между тем вижу, что многое в этой второй части надо переделать в смысле изложения. Почти решил отложить на месяц, но, если Вам нетрудно, все-таки поторопитесь, чтобы я успел обдумать и переделать то многое, на что Вы нападете (ужасно боюсь!). Во всяком случае, сократить, кажется, можно многое. – Критикуйте строго, но постарайтесь войти в мою точку зрения – т.е. стремление осветить намеки, находимые у Цицерона и Непота о землевладении Аттика данными о современных ему земельных отношениях. Думаю, что придется все еще раз переписать (отдам кому-нибудь, исправив то, что нужно будет). Еще раз большое спасибо за прошлое и будущее!

Предчувствия Гревса не обманули. Иванов ответил быстро¹²⁷, но в несколько иной, чем прежде, манере: теперь он делает сравнительно немного замечаний и исправлений, касающихся отдельных деталей, но более развернуто излагает пункты, по которым не согласен с Гревсом. Так, в первых же строках своего письма он обрушился на толкование Гревсом места из письма Цицерона к Аттику (II. 15. 4), которое «решиительно нас разделяет». Камнем преткновения оказался вопрос о возможности оккупации общественной земли в Италии в эпоху Аттика, т.е. после того как закон 111 г. до н.э. обратил оккупированные земли в собственность их владельцев. Треть письма посвящена этой «главной контрверсе» по вопросу о судьбах италийского *ager publicus*. Разбор этого вопроса Ивановым оказался столь мастерским и убедительным, что его критика и аргументация были целиком приняты Гревсом¹²⁸.

Иванов также выражает «протест против гиперкритического отношения к биографу Аттика» и излагает свое видение проблемы. Позиция Иванова представляет самостоятельный интерес, поскольку сформулировал он ее в тот момент, когда только начинался спор «модернистов» и «примитивистов» о характере античного общества и его экономики:

Что в изображении Аттика-капиталиста и дельца Непот несколько смягчил краски, должно допустить. Верно и то, что сказано о *diligentia patris familias*¹²⁹. Но слова: *nemo illo minus fuit emax, minus aedificator*¹³⁰ – цитуются в чуждой им связи. *Emax* и *aedificator* – порицательные эпитеты римских жрецов роскоши, которые скупают земли не для целей хозяйственных, а для удовлетворения своих капризов, которые строят увеселительные дворцы и виллы, – тех богачей, которых бичует Гораций, призывая современников к простоте жизни предков. Умеренность Аттика в употреблении своего богатства, его воздержание от роскоши и непроизводительных в хозяйственном отношении приобретений – не подлежит сомнению, а *это* только и утверждает Непот. Более всего он заслуживает, как биограф, упрека в умолчании о том, что капиталистическая, спекулятивная деятельность Аттика составляла, можно сказать, главное содержание его жизни. При оценке этого отношения биографа к столь важной стороне жизни его героя, должно, однако, мне кажется, принять в соображение то обстоятельство, что, как видно из системы римского домашнего счетоводства (*tabulae accepti et expensi* и пр., о чем см. Voigt в цитированном томе *Abh. d. Sächs. Ges.*¹³¹, где идет речь и об упоминаемой Непотом *ephemeris* Аттика), – установленный обычаем и санкционированный правом круг экономической деятельности *patris familiae diligentis* не заключал в себе, в противоположность нашей эпохе, никаких признаков, которые бы резко отличали его от круга деятельности профессионального финансиста; так что даже столь широко развитая негоциаторская, землевладельческая, банкирская деятельность, как деятельность Аттика, могла рассматриваться только как расширенное ведение хорошо устроенного частного хозяйства.

¹²⁷ Вяч.И. Иванов – Гревсу. 22 января / 3 февраля 1896 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. 56–61.

¹²⁸ Гревс. Очерк второй. Атик. II. С. 31–43.

¹²⁹ «Рачительность домовладыки» (латин.); ср. выше, прим. 113.

¹³⁰ «Несмотря на богатство, покупал и строил он весьма умеренно» (*Корнелий Непот*. Ук. С. 108. Пер. Н.Н. Трухиной).

¹³¹ Voigt M. Über die Bankiers, die Buchführung und die Litteralobligation der Römer // *Abhandlungen der philol.-hist. Cl. der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wiss.* 1887. 10. 3. S. 543–577.

Окончание работы над второй, главной частью этюда об Аттике, посвященной его земельным владениям, означало, что пришло время вплотную задуматься о плане дальнейшей работы над историей крупного частного землевладения, которой и должен был быть посвящен первый том «Очерков». Иванов предложил Гревсу такую структуру:

В заключение, дорогой Иван Михайлович, позвольте мне дать Вам один совет. Я уже не раз говорил Вам, что проектированный вами этюд о Сенеке был бы желателен для полноты плана. Упомянул я и о Колумелле. В последнее время я убедился, что *Петроний* дает очень благодарный и характеристический материал для Вашей цели. Вероятно, это от Вас и раньше не ускользнуло. Упомянутые три источника очень удобно комбинировать, потому что они современны. Данные всех трех – в связи с указаниями других источников – сложатся в яркую картину *крупного землевладения в эпоху Нерона* – в ту замечательную эпоху, когда борьба империи с землевладельческим капитализмом выразилась в африканской катастрофе. Я решительно советовал бы Вам этюду о Плинии предпослать – хотя бы небольшой по объему – этюд на формулируемую мною тему. Особенный интерес этого этюда будет заключаться в том, что он, сообразно характеру источников, будет содержать *обобщения*, а не частные примеры, как «Аттик» и «Плиний». Если Вы согласны написать этот этюд, то придержите для него общие рассуждения (например, о законе Тюнена?¹³²) и, особенно, тексты из Сенеки. Примите в соображение, что сам Колумелла – интересный тип землевладельца.

Отвечая на письмо Гревса, которое, к сожалению, не сохранилось, Иванов развивает этот план уже в деталях¹³³:

Что касается вопроса о диссертации, мне казалось, что еще во время наших петербургских свиданий Вы остановились на решении соединить очерки о Горации, Аттике и пр. в один том, а второй том посвятить исключительно императорскому землевладению, чтобы таким образом завоевать при помощи этого второго тома и докторскую степень. В силу этого предположения я высказывал Вам, в первом письме об Аттике, свои убеждения в будущем успехе «*первого тома*» Вашей диссертации; и в том же предположении я дал Вам совет посвятить один из этюдов этого тома вопросу о землевладении в эпоху Нерона. Конечно, было бы в высшей степени желательно, чтобы в течение Вашего заграничного пребывания в этом году Вы окончили второй, – наиболее важный из всех – *essay* об императорском землевладении; но, как это ни желательно, тем не менее, я считаю более практичным и целесообразным не исключать уже написанных очерков об Аттике и Горации из рамок диссертации, но, присоединив к ним еще очерка два (так, об эпохе Нерона и о Плинии), напечатать по изложенному выше плану, сначала «*первый том*» и, быть может, тотчас же защитить его для получения магистерской степени. Из этого само собою вытекает мое отрицательное отношение к плану издать отдельно книгой *только* этюды о Горации и Аттике. Или Вы думаете, что возможно ограничиться этими двумя этюдами для подучения степени магистра? Если да, – о чем Вы имеете большую возможность судить, чем я, – то благословляю Вас с радостью на это («*man muss diese Aeusserlichkeiten rasch abthun*»¹³⁴); если же нет, то не понимаю, зачем Вы, с такою расточительностью, хотите воздержаться от практической эксплуатации, для достижения целей Вашей академической карьеры, этих прекрасных и строго научных работ? Вот Вам моя «тайная мысль», которую я не считал нуждающеюся в пространном объяснении:

¹³² Во второй части очерка об Аттике речь шла о том, как немецкий экономист К. Родбертус применил для истолкования римского аграрного строя теорию Й. фон Тюнена, которая «покоится на утверждении всеобъемлющего влияния столицы в процессе сложения землевладения и сельского хозяйства не только в ближайших ее окрестностях, но и во всем государстве, которого она является политической главой» (Гревс. Очерк второй. Аттик. II. С. 20 сл.). Гревс ссылался на эту теорию в связи с характеристикой подгородного хозяйства и пригородной виллы Аттика. Позднее в книге эти рассуждения остались на том же месте (Гревс. Очерки... С. 313 сл.).

¹³³ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 1/13 февраля 1896 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 83–84.

¹³⁴ «Надо быстро разделаться с этими внешними формальностями» (нем.). Отсылка к словам Моммзена, обращенным к самому Иванову, о которых тот писал Гревсу в 1893 г. (см. *Бонгард-Левин*. Вяч. Иванов... С. 159).

до такой степени явно я высказывал Вам всегда мой взгляд на это дело. Почему оторвали Вы заключение Аттика от его второй части? Я думаю, что ни эта последняя не излишне велика, ни заключение не должно быть чересчур пространно. Я предпочел бы видеть «Аттика» разделенным на две журнальные книжки. – Еще несколько слов о моем совете написать этуод по Сенеке, Колумелле и Петронии. Если Вы рассчитывали составить первый том только из трех этюдов (Гораций, Аттик, Плиний), то я вполне на Вашей стороне потому что Вы должны искать всех средств, чтобы *сократить, ускорить* дело. Но, *volens volens*, Вы должны будете, в «Плинии» или в заключительном арагси¹³⁵, говорить о данных Сенеки и Петрония, как и об африканских магнатах, «*quos interfecit Nero*»¹³⁶. Если это так, то мне казалось более выгодным, для экономии работы и для внешней полноты ее, выделить рассмотрение этих данных в маленький самостоятельный этюд, который бы занял место между Аттиком и Плинием. Он может быть помещен в следующей за заключением «Аттика» книжке и не должен обнимать более 20, много 30 страниц. – До свидания, дорогой Иван Михайлович! Всего хорошего. О, если бы Вы отделались со всем Вашим «землевланием» в эту вакацию! Ведь сделано уже так много!

Так первый том «Очерков истории римского землевлания» приобретал определенную форму.

Летом 1896 г. Иван Михайлович вновь поехал за границу. В Париже в начале июля он передал Иванову рукопись третьей, заключительной части «Аттика». Тот прочитал ее необычайно быстро (за два дня) и вернул вместе со своими критическими замечками. В основном же Гревс в Париже, где почти ежедневно виделся с Ивановым, работал над третьей частью диссертации, но, как всегда, не успевал к сроку¹³⁷.

Заключительная часть второго очерка, «Политическая философия Аттика и его общественное поведение»¹³⁸, Иванову явно не понравилась¹³⁹:

В общем я нахожу, что изложение крайне растянуто и что огромное количество тщательно собранного материала не соответствует малой, на мой взгляд, важности выводов, которые вдобавок, в своих существенных чертах, уже были намечены в предшествующих частях этюда; характер политико-моральной проповеди (монотонной, как все проповеди) также невыгодно отличает, по моему суждению, настоящий очерк.

Критические замечания на сей раз были необычайно резкими и касались, главным образом, не деталей исторического и филологического анализа (тем более что он во многом основывался на уже известных работах Друмана и Буассье¹⁴⁰), а моментов, в которых отражались общие мировоззренческие установки Гревса, отличные от умонастроения Иванова. Всякий раз, когда Иван Михайлович, ведя речь о Риме, слишком явным образом метил в «злобы» окружающей российской (да и не только российской) действительности, употребляя к тому же столь высокопарные выражения, как «честь», «дело освобождения», «героизм», «политический индифферентизм», «честное воздержание от службы (? Государственной – как в России – ?)» и т.п., Вячеслав Иванович не мог сдержать своего раздражения и как ученый, и как человек, чуждый морализаторства.

Какой «героизм» мог спасти республиканские формы? «Героизм» Катона? «Героизм» убийц Цезаря? Очевидно, что вовсе не недостаток героев был виной гибели прежней свободы. Напротив: *возникновение* героев, как Гракхи, как Цезарь. И пример последнего лучше всех других показывает, что «индивидуализм» той эпохи умел

¹³⁵ «Обзор» (франц.).

¹³⁶ «Которых убил Нерон» (латин.).

¹³⁷ «Через три недели уезжаю. Опять, к сожалению, не кончил всего, что хотел, но надеюсь в течение учебного года закончить. Третий этюд очень осложнился, но, кажется, выходит сносно. Если бы мог остаться здесь только до января, кончил бы его наверно» (И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 16/28 августа 1896 г. // РГБ. Ф 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 29).

¹³⁸ ЖМНП. 1896. Сентябрь. С. 76–140 (далее – Гревс. Очерк второй. Аттик. III).

¹³⁹ Эти замечания Иванов скорее передал лично Гревсу в Париже в июле 1896 г. ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 68–82).

¹⁴⁰ *Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischer zur monarchischen Verfassung*. 6 Bände. Königsberg, 1834–1838; *Boissier G. Cicéron et ses amis*. 6e éd. P., 1882.

сочетаться с героизмом и не всегда имел «крайне и узко эгоистическую окраску», не всегда «приводил эмансипировавшуюся личность к прямо антиобщественным выводам». Дерево познается по плоду, так и «индивидуализм» той эпохи должно судить по его высшим выражениям. – Защищаемый тезис, в более простой формулировке. таков: республика пала, потому что большинство граждан из эгоизма перестало заботиться об общественной пользе. Очень моральное и очень фальшивое суждение! То, что называлось общественной пользой, давно престало быть ей, и новая общественная польза требовала разрыва с заветами старой. Первой служил Цезарь, второй Цицерон; но, наряду со служителями той или другой общественной идеи, бесконечно расширившиеся отношения мировой империи потребовали возникновения типа «добрых граждан – частных людей», нужда в которых росла по мере того, как общественные потребности обуславливали все большую специализацию частных усилий. Вот почему вся стоическая *cantilena*¹⁴¹ о предосудительности политического «индифферентизма» Атика – на мой слух – бесконечно фальшивит... Она напоминает декламацию из сферы «*opposition sous les Césars*»¹⁴².

<...> Вся вообще характеристика эпикуреизма и его роли в римском обществе, по моему суждению, слаба, и ее моральная поучительность не делает ее в научном отношении менее поверхностной <...> Материализм эпикурейцев, идущий от Демокрита, заслуживает большего внимания, чем то, которое выражается в высокомерном эпитете «популярный».

Стремясь соединить «социально-экономический образ» Атика как земельного магната с его «интеллектуально-политической фигурой», Гревс усматривал в герое своего второго очерка «предшественника имперской земельной и служилой знати»¹⁴³, представители которой более всего пеклись о своих личных интересах, но при этом готовы были быть добросовестными и усердными чиновниками. «Атик – предшественник Плиния Младшего; это политический индифферентист и личный оппортунист, удаляющийся от дел, пока публичная карьера опасна, но готовый работать для государства цезарей, раз оно твердо установится, будет охранять его безопасность и щедро награждать его»¹⁴⁴. В примечании к этому выводу Гревс дал волю своим чувствам¹⁴⁵:

Атик здесь, как и во многих других отношениях, выказал гораздо больше проницательности, чем друг его Цицерон. Последний верил в свое политическое чутье, и его восхваляли за дар предвидения, но он постоянно делал промахи и попадал впрок, а в конце концов был выдан, как жертва союзнику, человеку, которому он сам помог подняться, и который нанес окончательный удар делу, связанному со всею жизнью Цицерона. Атик, наоборот, до последней минуты жизни настоящим образом и безошибочно предугадывал направление, которое примут события. Затем еще Цицерон, хоть и не может быть назван вполне бескорыстным человеком, все-таки до конца остался верен известной идеологии; Атик же радикально очистил себя от республиканских «предрассудков» и мастерски пользовался обстоятельствами заранее для своей выгоды. Цицерон погиб, Атик остался цел и еще более «процвел» вместе с утверждением нового строя. Нельзя забывать политических ошибок и нравственной небезупречности Цицерона, если иметь в виду всю его деятельность, но вместе с тем необходимо сознаться, что вынужденная похвала сраженному врагу, вырвавшаяся впоследствии из уст первого императора (Август сказал про Цицерона: «*Αβύρος ἄνθρωπος... καὶ φιλόπατρις*»¹⁴⁶. См. *Plut. Cic.* 49) звучит глубже, искреннее и справедливее, чем плоский восторг панегириста Корнелия перед жизненными удачами Атика.

По тому, как оценил эти рассуждения Иванов, чувствуется, что здесь оказались задеты какие-то глубоко личные струны, связанные с его общественно-политической

¹⁴¹ «Перепев; нудная, скучная речь» (итал.).

¹⁴² «Оппозиция в эпоху Цезарей»; отсылка к книге любимого Гревсом автора (*Boissier G. Opposition sous les Césars. 3e éd. P., 1892*).

¹⁴³ Гревс. Очерк второй. Атик. III. С. 126–127.

¹⁴⁴ Там же. С. 125.

¹⁴⁵ Там же. Прим. 2.

¹⁴⁶ «Ученый человек был... и любил отечество».

позицией в целом, для которой характерно неприятие романтизации борьбы ради борьбы, оппозиции во что бы то ни стало¹⁴⁷:

Как весь этот портрет Аттика мало убедителен и психологически, и исторически! Разве возможно было для римского гражданина не стоять ни под каким политическим знаменем? Почему же это – несколько удивленное замечание: «стало быть Аттику иногда (!) необходимо было высказываться за тот или другой политический идеал»?...

Где высказывается Атик в пользу философски-эпикурейского воздержания от политики? Он устраняется от активного вмешательства; но прямо провозглашать политический индифферентизм римлянин не мог. Да Атик и не был индифферентистом, как не был настоящим эпикурейцем: он был только «ohne Liebe und Hass»¹⁴⁸ ... зато огромный политический интерес («civis amans patriae»¹⁴⁹ cf. ad Att. I, 19, 1) соединялся в нем с огромною политической пронизательностью и тактом; между тем, как греки-индифферентисты были, вероятно, обыкновенно «неполитические головы». – Мне кажется, что именно политическая зоркость мешала Аттику активно защищать потерянное дело республиканской свободы (срв. «non inertia, sed iudicio fugisse r.p. procurationem»¹⁵⁰ Пер. А. 15, 3), с которым связывали его однако все традиции его среды, тогда как и нравственная брезгливость, и любовь к независимости не позволяли ему сделаться слугою тирании. – Вообще, отличительная черта Аттика – гибкость и приспособляемость, потому и его личность всецело обусловлена его эпохой и в других условиях места и времени была бы иною. Такие характеры могут быть, следовательно, правильно оценены только историком; а Вы в этом этюде все мерите меркой моралиста. Отсюда односторонности освещения, преувеличения, несообразности и отсутствие жизни в тщательно нарисованном портрете <...>

Почему лишь подобные Аттику лица заслуживают исторической квалификации «предшественников имперской земельной и служилой знати» – не понимаю. Имперская земельная и отчасти служилая знать образовалась из некогда оппозиционно настроенных сенаторов; другая часть служилого сословия составлялась из всадников, исторические традиции которых и даже практические интересы (откупы) также не чужды были республиканизма. Атик только заранее начал практиковать то политическое воздержание, которое было столь уместно в империи и отклонения от которого приводили к столь бесплодной и идейно-пустой, хотя и имевшей своих мучеников и аскетов, часто благородной и для многих психологически необходимой, – оппозиции.

Реакция Гревса на эту весьма резко критику была, судя по всему, довольно сдержанной: он остался при своем мнении и в полемику вступать не стал (как это было непохоже на работу над «Горацием»!) В опубликованном тексте очерка почти не заметно, чтобы автор учел замечания Иванова. Возможно, у него для этого не было времени, но во времени ли дело – ведь и в напечатанной три года спустя книге изменений крайне мало!

Жизнь разводила друзей дальше и дальше. Иванов все более погружался в литературное творчество, поэзия целиком захватила его. Но судьба диссертации Гревса (уже принимавшей форму книжного тома) продолжала его интересовать, и в октябре 1898 г., после поездки в Петербург, он писал из Италии¹⁵¹:

Очень Вам благодарен за дружескую услугу, как и за предоставление мне 13 первых листов Вашей диссертации, мною в Петербурге полученных из типографии. Намереваюсь на днях собрать свои впечатления и пометки при чтении этих листов и этюда о *vina iugera*¹⁵² etc, чтобы сообщить Вам их по условию.

¹⁴⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 68–82 (ad P. 50, 54).

¹⁴⁸ «Без любви и ненависти» (нем.).

¹⁴⁹ В указанном письме Цицерон обращается к Аттику как к «гражданину, любящему отечество».

¹⁵⁰ «...Государственных дел он избегал не по лености, но по убеждению» (*Корнелий Непот*. Ук. соч. С. 109. Пер. Н.Н. Грухиной).

¹⁵¹ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 13/25 октября 1898 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 88.

¹⁵² Имеется в виду третий этюд, не предназначавшийся для включения в первый том «Очерков» (*Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения. «Большое сельское поместье» в древней Италии и крупное землевладение в римском мире к концу I-го века империи // ЖМНП. 1897. Сентябрь. С. 1–55. Октябрь. С. 277–324).

Хотя и с новым очерком (уже опубликованным, а не в рукописи), и с первыми листами книги Иванов знакомился уже далеко не с прежним пылом, тем не менее он серьезно подошел к разбору третьего очерка, в полной мере продемонстрировав глубину и основательность своих знаний в области ранней римской аграрной истории, а также методологическую строгость, выработанную в добросовестно пройденной им под знаменем Моммзена школе германского антиковедения¹⁵³.

Ваш «Очерк» произвел на меня впечатление очень нечеловечное. При всем обилии разобранного в нем фактического материала, при всей учености и внешней обстоятельности исследования, мне чувствуется в нем и недостаток критической строгости. и даже как бы боязнь истинного углубления в изучаемый предмет. Начертанные Вами границы «Очерка» оказываются тесными для затронутых в нем вопросов, и, оказываясь быть исчерпывающим, он перестает быть убедительным.

Прежде всего бросятся в глаза некоторые формальные несовершенства, — в особенности непропорциональность плана. В самом деле, не только специальным разысканиям о земельном владении Горация и Аттика несоответственно координирован суммарный этюд о «крупном землевладении в римском мире к концу первого века империи» вообще, — но и в этом последнем этюде, неожиданно расширяющемся в род эскиза целой аграрной истории, вся первая его половина занята подробным рассмотрением архаических учреждений, отдаленных от эпохи, на которую указывает заглавие, более чем полутысячелетним промежутком. Эта несоразмерность наводит читателя на сомнения в *raison d'être* всего исследования в пределах общей темы «Очерков»: чтобы, освещая социальное состояние империи, установить факт стародавнего неравенства земельной собственности в Риме, едва ли необходимо заводить речь об иллюзорных «*bona iugera*» Ромула¹⁵⁴ <...>

Переходя от формы к содержанию, я должен указать на неудовлетворительность критических приемов в 1ой главе — о «конкретных воспоминаниях (?)». Вместо того, чтобы приводить «свидетельство» за «свидетельством» (стр. 14, 20), фразы писателей, которые сами бы удивились, увидев себя в этом деле в роли «свидетелей», — надлежало, сделав общую оценку этих исторических данных *en bloc*¹⁵⁵, констатировать существование в позднейшую эпоху традиционного стереотипного представления о сельскохозяйственной старине Рима и потом осветить две стороны этой традиции: ее реальную основу и то, что должно поставить на счет фразы и декламации в духе морализирующего романтизма (часто столь безвкусной, как *Senec. controv. II, 1, 8, — стр. 12, пр. 5*). В особенности странно читать об «извлечении» из такого материала «известной суммы индивидуальных исторических (!) примеров» и об «оригинальных фигурах великих древних граждан-крестьян» (стр. 13). Ведь — если оставить в стороне другие критерии — самая индивидуализация этих образцов архаической бедности и доблести в представлении изнеженного потомства свидетельствует против исторической их достоверности, потому что такой общий факт, как экономическая скудость патриархальной старины, не мог привлекать на себя специфического внимания его современников, быть предметом гордости государственных деятелей и сохраниться в истинно-древнем о них предании. В Вашей критике мало перспективы: не восходя к источнику повествования о Курии Дентате — «*annales nostri*», *Plin. n.h. 19, 87, т.е. «die jüngere (schlechte) Annalistik*»¹⁵⁶ (срв. напротив, стр. 20!), — Вы ссылаетесь на слова Цицерона как на «подтверждение» рассказа Плутархова (стр. 14). Анекдотам Валерия Максима, в «хорошие» источники которого Вы верите, не опре-

¹⁵³ Вяч.И. Иванов — И.М. Гревсу. Ноябрь 1898 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 92–101.

¹⁵⁴ Такое несоразмерное построение очерка Гревс обосновывал по-своему: «Чтобы окончательно убедиться в решительном торжестве крупных форм собственности над мелкими уже в последний период римской республики, надобно сделать возможно полный обзор того, насколько они сохраняли господство повсеместно в империи хотя бы к концу первого века ее существования. Такова конечная задача предстоящего исследования; но для удобного и твердого разрешения ее необходимо обратиться сначала назад и припомнить в общем ход и пути развития земельных отношений в древнейшие периоды истории Рима, подчеркивая в изображении вопроса преимущественно те пункты, в которых обнаруживаются последовательные изменения величины и организации «индивидуального сельского имущества» (*domaine rural*)» (*Гревс. Очерки. «Большое сельское поместье»*. С. 3 сл.).

¹⁵⁵ «В целом» (франц.)

¹⁵⁶ «Младшая (худшая) анналистика» (нем.).

деляя их (ib. пр. 4), – придано Вами неподобающее им значение и посвящено несоразмерное число страниц; снисходительность к этому дурному писателю заводит Вас в область легенды, которую Вы трактуете почти как историю, рассуждая о похоронах Попликол и Менениев, о наградных югерах, полученных от сената Муцием Сцеволой за устрашение Порсенны (стр. 16)... Не думайте, что я отрицаю всякую возможность извлечь что-либо пригодное для Вашей цели из поздней анекдотической традиции: я не нахожу только достаточно строгого метода в Вашем пользовании столь сбивчивым и неблагодарным материалом; причем, пройтись *ψεδδος*¹⁵⁷ лежит в неопределенности Вашего представления о сохранившемся будто бы в основе этого материала «воспоминании»... Вообще Вы слишком дорожите всякими даже заведомо неверными данными для освещения мрака времен «ante Agamemnona»¹⁵⁸...

Внимательный (даже придирчивый) разбор многих страниц, посвященных попыткам Гревса выразить в абсолютных цифрах размеры землевладения в древнейшую эпоху, привел Иванова к неутешительному выводу:

...неустойчивость и растяжимость результатов исследования остаются очевидны и являются, по моему мнению, следствием попытки «выработать наиболее вероятное (?) суждение о приблизительных размерах» первобытной собственности, «не пересматривая весь вопрос об исконной аграрной организации римской гражданской общины», – с одной стороны, следствием недостаточной строгости критического метода – с другой <...> Итак, я нахожу, что строгости исследования вредит выбор точки отправления, и не вижу возможности достигнуть более твердых выводов иначе, как исходя из систематического разбора данных и теорий, касающихся широкообъемлющей проблемы о влиянии государственного, родового и личного начала на историческое развитие римской собственности.

Впрочем, Иванов прекрасно понимал всю трудность поставленной задачи и старался подбодрить друга:

В заключении замечу, что справедливое вообще наблюдение: «la critique est aisée, l'art est difficile»¹⁵⁹, нарочито оправдывается в применении к рассмотренному «Очерку». Темнота отдаленнейшей эпохи; затушевка первобытного правоустройства позднейшим правовым сознанием; недостоверность предания; противоречивость ученых толкований; наконец, зависимость исследуемых частных от целого и неопределенность очертаний этого целого, – все соединилось, чтобы сделать разрешение задачи Вашей в установленных Вами границах исключительно трудным. И если, при будущей переработке «Очерка», Вам удастся дать – в пределах того же общего плана – нечто согласное с собою самим и с целым древнейшего строя, – это будет почти своего рода tour de force...

Ограничившись по поводу первых листов подготавливаемой к печати книги немногими словами, в которых выразил свое удовольствие от чтения «похорошевшего» от заботливой переработки «Горация» и досаду от знакомства с вновь не удовлетворившим его «Введением», Иванов завершил письмо так¹⁶⁰:

Простите, дорогой Иван Михайлович, желчь Вашего верного и преданного Вам Зоила, который и на этот раз пытался быть только беспристрастным, и позвольте искренне поздравить Вас с несомненной удачей того, что действительно существенно в печатаемой Вами книге.

Первый том «Очерков» И.М. Гревса вышел в конце 1899 г. В него вошли, как и было намечено, этюды о Горации и об Аттике. Но место небольшого этюда о землевладении эпохи Нерона, призванного служить переходом ко второму тому (именно это советовал Иванов), заняло пространное заключение «Общеисторическое значение крупной земельной собственности в римском мире в связи с основными особенностями экономического строя древности» (с. 441–620). Появилось оно в результате одной из тех «случайностей», которые часто «(по крайней мере, видимо) определяют в судьбах человека очень важные факты и явления, целые основные линии в его жизни»¹⁶¹:

¹⁵⁷ «Принципиальная ошибка» – понятие из логики Аристотеля.

¹⁵⁸ «до Агамемнона» (латин.), т.е. в незапамятные времена.

¹⁵⁹ «Критиковать легко, делать трудно» (франц.).

¹⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 101об.

¹⁶¹ Гревс И.М. К истории моей научной жизни. Л. 35–35об. (5 октября 1923 г.).

Я считаю, что истолкование бюхеровской системы в определении своеобразия античного (и особенно римского) хозяйства, – главная моя научная заслуга в историографии: я придаю ей известное значение, особенно после того, как *Макс Вебер* (*Agrargeschichte* – в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften»¹⁶²) и *Сальвиоли* (*Le capitalisme dans le monde antique*)¹⁶³ признали мою теорию – именно после ознакомления с моею книгою (что мне доподлинно известно) и распространили ее на западе, хоть и ссылались на меня далеко не достаточно (ну, да Бог простит! не в этом дело). Между тем на Бюхера¹⁶⁴ я натолкнулся также случайно. Книга его (*Die Entstehung der Volkswirtschaft*) впервые вышла в 1893 г. Я тогда работал над своею диссертациею, но первые годы книжка эта совершенно ускользала от моего внимания, я ее совсем не знал. Раз только (должно быть, около 1895–96 г.) в одном из разговоров со мной Петра Бернгардовича Струве, он спросил меня: «А как вы относитесь в своей работе к *ойкосному хозяйству*?» Увы! Я тогда его еще не знал и Струве первый указал мне на Бюхера (изучая гораздо раньше Родбертуса я в его исследованиях мало оценил его домислы в этом направлении: недостаточно еще вошел в дело). Здесь же, когда я прочитал Бюхера, мои «Гораций» и «Аттик» уже были готовы, – и его *ойкосное хозяйство* поразило меня совпадением с собственными моими частными выводами¹⁶⁵. Я тогда пересмотрел весь свой материал и свои выводы и стал «бюхеристом» в том особом смысле, который выразился в моей диссертации, и основываясь на котором я могу сказать, что существует «гревсовская» теория, выросшая из бюхеровской¹⁶⁶.

21 мая 1900 г. состоялся магистерский диспут И.М. Гревса¹⁶⁷. Сохранился черновик его речи, в котором читаем: «Я горько сожалею, что мне удалось дать науке до сих пор еще слишком немного, но я могу открыто сказать, что чувствую в себе энергию неуклонно продолжать, насколько сил хватит, взятый на себя жизненный труд»¹⁶⁸.

Однако продолжить работу над вторым томом «Очерков» Ивану Михайловичу тогда не пришлось. Этому помешало и изгнание из университета по политическим мотивам в 1899 г., и дававшие о себе знать еще раньше комплексы неуверенности в своих силах, боязнь спастись перед «соперниками» в науке. В октябре 1902 г., когда уже состоялось избрание Гревса профессором средней истории Петербургского университета и у него появилась надежда «возвратиться к своим трудам по землевладению», он писал Иванову¹⁶⁹:

Злокозненный Гиршфельд подсек целую массу моего труда, напечатав (в «*Beiträge zur alten Geschichte*») обзор императорского землевладения в Италии и провинциях¹⁷⁰. Многое, тогда мною впервые собранное, перешло теперь в его собственность (ius

¹⁶² Weber M. *Agrargeschichte*, I. *Agrarverhältnisse im Altertum* // *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. 3. Ausg. Bd I. Jena, 1909. S. 52–188.

¹⁶³ Джузеппе Сальвиоли (1857–1928), историк права, профессор университета в Палермо. Сохранилось письмо от Сальвиоли (от 16 ноября 1900 г., на франц. яз.), в котором тот просит Гревса о присылке ранее обещанного экземпляра «Очерков», о выходе которых он узнал из прессы (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 224). Здесь упоминается его известная книга (*Salvioli G. Le capitalisme dans le monde antique. Etudes sur l'histoire de l'économie romaine*. P., 1906). О поддержке взглядов Гревса М. Вебером и Дж. Сальвиоли см. *Каганович. Вокруг «Очерков»...* С. 204 сл.

¹⁶⁴ Карл Бюхер (1847–1930), немецкий экономист и статистик, представитель «новой исторической школы политической экономии»; автор теории трех стадий в истории хозяйственной жизни: «домашнего (ойкосного)», «городского» и «народного» хозяйства. О месте бюхеровской схемы в исследовании Гревса к см. *Скржинская. Ук. соч. С. 237; Каганович. Вокруг «Очерков»...* С. 202.

¹⁶⁵ «Я пришел самостоятельно к аналогичным выводам, но термин оставался мне еще чужд» (прим. И.М. Гревса).

¹⁶⁶ «но радикально переработанной» (прим. И.М. Гревса).

¹⁶⁷ См. *Каганович. Вокруг «Очерков»...* С. 203; *Скржинская. Ук. соч. С. 237.*

¹⁶⁸ *Гревс И.М.* Речь перед диспутом на соискание магистерской степени. Черновик // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 90. Л. 16.

¹⁶⁹ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 21–27 октября 1902 г. // РГБ. Ф. 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 42.

¹⁷⁰ *Hirschfeld O.* *Der Grundbesitz der römischen Kaiser in den ersten Jahrhunderten* // *Klio. Beiträge zur alten Geschichte*. 1902. Bd II. S. 45–72, 284–315.

primi publicantis!¹⁷¹ – не уверен, впрочем, что так можно сказать на хорошей латыни. Говорю конфиденциально по пришедшей фантазии Вам, знающему о том, какой я плохой филолог).

Иванов, радуясь «благоприятной перемене в жизни и делах» друга и поддерживая его новые замыслы «в родной нам обоим области» (аграрной истории Италии в эпоху Империи), касаясь вопроса, больно ранившего Гревса, отвечал¹⁷²:

Дорогой друг, известие о «злокозненности» Гиришфельда очень меня кручинит. Не говорил ли я Вам не раз, что Ваши прекрасные собрания об императорском землевладении должны быть скорее сообщены публике, будучи ценными уже как таковые? Ах, если бы мы могли каждый поправить кое-что в нраве и особенностях другогого! <...> Теперь все это так далеко от меня! Божества и культы и мифы составляют предмет моих научных preoccupations.

Действительно, для Иванова римская история теперь уже решительно стала тем, «что принадлежит прошедшему» (там же), и в переписке его с далеким другом речь все более шла совсем об ином – о путешествиях в Грецию, об издании первого сборника стихов «Кормчие звезды», где были и стихи, посвященные Гревсу. А после письма, в котором последний благодарил за полученный экземпляр этой книги с глубоко тронувшей его посвятительной надписью¹⁷³, переписка, судя по отсутствию в архивах соответствующих эпистолярных материалов, и вовсе прервалась, как очевидно, иссякла и прежняя близость: даже когда Иванова с семьей поселился в Петербурге, с Гревсом, всецело посвятившим себя преподаванию в университете и на Высших женских курсах, они встречались крайне редко, лишь от случая к случаю.

Но настоящая дружба, как известно, не ржавеет. И нашим героям судьбой было даровано пережить еще одно сближение. Оно произошло в 1918 г., и в письмах этого времени встречаются и воспоминания о былом. Гревс писал: «Сколько бы ни разводила нас судьба или внутренние временные несогласия, старое наше общение и дружба оставили в моей душе неизгладимую связь, которая временами даже остро оживляется.<...> О старых наших парижских и римских днях вспоминаю с неослабевающим чувством»¹⁷⁴. Иванов живо откликался, вспоминая былые годы: «Как я благодарен Вам – за то, что опять, как некогда, пишу Ваше милое имя в красной строке простого, дружеского, неделового письма, – словно бы я жил в Риме, а Вы были в Париже, ускользнув еще так недавно от моей филологии и Йоллера¹⁷⁵ и французских археологов в туфлях из Palazzo Farnese кратчайшим (непрерменно кратчайшим!) путем, через Мон-Сенис, на avenue Wagram...»¹⁷⁶.

Окрыленный обновлением старой дружбы, Гревс писал, возвращаясь мыслями к своей научной работе и участию, которое принимал в ней Иванов¹⁷⁷:

Вы, Вячеслав Иванович, были первый, который заставил меня поверить в присутствие во мне некоторой научной силы; это для меня было великое благо, ибо если бы этого не произошло, то я не нашел бы решимости стать профессором, а тогда сущность моего жизненного дела не состоялась бы. Вы всегда бранили меня за то, что я был медлен и неисполнителен в подготовке своих научных трудов для печати. Я сам всегда чувствовал в этой области угрызения. Но теперь я думаю, что мною руково-

¹⁷¹ «Право первого публикатора» (латин.); обыгрывается средневековая формула «право первой ночи».

¹⁷² Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 13 ноября / 31 октября 1902 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 115.

¹⁷³ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 17 февраля / 2 марта 1903 г. // РГБ. Ф. 109. Картон 17. Ед. хр. 10. Л. 43–44.

¹⁷⁴ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 27 апреля 1918 г. // Там же. Л. 45.

¹⁷⁵ Альфред Йоллер – библиотекарь Германского археологического института в Риме в 1883–1926 гг. (см. Wickert L. Beiträge zur Geschichte des Deutschen Archäologischen Instituts von 1879 bis 1929. Mainz, 1979. S. 63).

¹⁷⁶ Вяч.И. Иванов – И.М. Гревсу. 22 мая 1918 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127. Л. 118. В Palazzo Farnese расположена Французская школа в Риме. На avenue Wagram в Париже жили Гольштейны, у которых часто останавливался Гревс.

¹⁷⁷ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 13 июня / 31 мая 1918 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 4. Л. 83 (черновик или неотправленное письмо).

дил здесь добрый инстинкт: я отдавал душу и труд тому, что было во мне самое лучшее, преподаванию. Уверен, что средняя моя лекция была лучше в ее осуществлении, чем самый лучший из моих трудов в его возможности. Поэтому я, должно быть, правильно сделал, что отдался профессорству, и замышлявшиеся сочинения высохли в листках...

В датированной 7 ноября 1929 г. заметке «К истории моих научных работ», хранящейся в числе материалов биографического характера в его архивном фонде, о своей работе над историей римского землевладения Гревс написал так¹⁷⁸:

Магистерская диссертация составила из «Vorstudien» для изучения монографических тем (индивидуальных этюдов) из аграрно-бытовой истории. Затем должен был последовать второй том таких же «Очерков»¹⁷⁹. Потом наметились две внушительные темы – 1) История императорской собственности в римском мире и 2) ...история Италии во времена империи.

Особенно упорно взялся я за первую из этих двух тем во время моей второй заграничной командировки с лета 1894 по лето 1895 года <...>¹⁸⁰

Но кончился год, началось опять профессорство, потрачено много времени на обработку еще не оконченного первого труда («Очерки»). А затем произошел первый университетский крах (изгнание меня Боголеповым в 1899 г.¹⁸¹, когда как раз я заканчивал первый труд. Началась страда по обеспечению хлеба насущного. Захирели неокончательно обработанные материалы. А потом *Otto Hirschfeld* напечатал (в первые 900-е года в *Klio*) свою «статистику» императорского землевладения, пережив¹⁸² у меня богатейший, свежесобранный и до него никем неиспользованный материал. У меня была «статистика», может быть, более богатая, чем у него, но, так сказать, «сливки были сняты», и я махнул рукой на неоконченный труд. – Сделал я это напрасно: у меня работа ставилась иначе и гораздо шире... Теперь уже ничего не поделаешь. Поздно пополнять и перестраивать. Перебираю тогда написанное, но вижу, что уже должным образом не справлюсь с переделкой при нынешнем бедственном состоянии. Мир праху моей работы! Остается благодарное чувство за годы, проведенные в таком большом труде. Это ценно для себя само по себе¹⁸³.

К теме своей научной молодости И.М. Гревс вернулся еще раз на склоне лет, подготовив в 1938 г. к печати оба тома «Очерков», которые, правда, так и не увидели свет¹⁸⁴.

Опубликованные им в 1895–1905 гг. исследования по истории римского землевладения стали памятником эпохи расцвета русской науки об античности, а архивные материалы, которые стали нам доступны, – свидетельством дружбы и сотворчества

¹⁷⁸ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. Л. 34. Там же (Л. 49об.) имеется и схематический план этой заметки, озаглавленный «К ходу, содержанию и направлению моих занятий (научных – с университета)»:

«Диссертация магистерская выросла из *études préliminaires* при изучении истории римского землевладения

1) Очерки (Гораций, Аттик, Бюхерова система – влияние Вяч. Иванова
– разговор со Струве)

[продолжение: Петроний, набросан Плиний Младший]

2) Подготавливал сочинение о зарождении крупной собственности в самом древнейшем римском крестьянском хозяйстве (сравн. в Ж.М.Н.Пр.)

3) Докторская диссертация готовилась о собственности римских императоров
– сделал очень много

– перебило изгнание из университета и выход работы О. Гиршфельда [работал особенно много во время второй командировки в Париже и Риме в 1894–95 г.].

¹⁷⁹ «Один появился в Ж.М.Н.Пр. (Петроний); другой вчерне почти готов (Плиний), третий (Сидоний) заключен в моих лекциях. И еще в Журнале М.Н. Пр – первоначальное римское крестьянство и начало крупной собственности» (прим. И.М. Гревса).

¹⁸⁰ Мы опускаем здесь уже приведенный ранее рассказ Гревса о работе во время этой командировки (см. выше, с. 185 сл., прим. 51).

¹⁸¹ Николай Павлович Боголепов (1846–1901), министр народного просвещения. Подробнее об этом эпизоде см. *Скржинская*. Ук. соч. С. 238 сл.

¹⁸² «разумеется случайно (он не знал о моей работе, даже, может быть, и моем существовании)» (прим. И.М. Гревса).

¹⁸³ Ср. *Скржинская*. Ук. соч. С. 237–238.

¹⁸⁴ Подробнее см.: *Каганович*. Вокруг «Очерков»... С. 205–206, 211–212; *Скржинская*. Ук. соч. С. 248.

двух молодых ученых. Иванов и Гревс отличались друг от друга и идейными позициями, и научными дарованиями, прошли каждый свою научную школу (один – филолог-классика и знаток права, другой – всеобщего историка), но обоим было свойственно то благородство души, которое властно зовет помочь другу. Участие, которое Вячеслав Иванов принял в работе Гревса над историей римского землевладения, было столь значительным, что Иван Михайлович считал его «влияние» одним из истоков своих «Очерков» (см. выше прим. 178). Причем это было не просто воздействие сильной творческой личности, а передача знаний, приобретенных в лучшей школе антиковедения XIX в.¹⁸⁵:

...Такое же [scil. как и Фюстель де Куланж] (хотя может быть и не столь сильное) влияние оказал на меня, также заочно, Моммзен, своею «Римскою Историею», *Staatsrecht* ом, специальными статьями и исследованием надписей. Передатчиком его влияния был Вяч. Иванов, которого я также должен назвать товарищем-учителем (общение с ним дало много и научило многому).

Хотелось бы завершить статью словами, которыми Гревс прощался с Ивановым, когда тот уезжал в Италию в 1924 г.: «Вспоминаю я тебя часто, но тут вспомнил особенно ярко долгую летопись нашего знакомства и дружбы <...> Не знаю, удастся ли мне с тобой еще раз свидеться, но хорошо, что жизни наши встретились глубоко несколько раз»¹⁸⁶. Встретиться им больше не пришлось.

V. IVANOV AND I.M. GREVS' THESIS ON THE HISTORY OF ROMAN LANDOWNERSHIP

G.M. Bongard-Levin, Ye.V. Lyapustina

Vyacheslav Ivanov (1866–1949) and Ivan Grevs (1860–1941) met in 1891 in Paris in the *Bibliothèque Nationale*. Their long friendship is attested by the rich correspondence (1892–1924), now at St Petersburg department of the RAS Archive (fund 726, reg. 2, file 127) and at the Department of Manuscripts of Russian State Library in Moscow (fund 109, carton 17, file 10). Their friendship was especially intimate and their correspondence especially lively in the years when they both prepared their theses (1892–1898).

On the basis of this correspondence and other unpublished archive materials the contributors reconstruct the process of Grevs' work on the history of Roman landownership. The materials analyzed here reveal a significant influence of Ivanov, who had been thoroughly trained in German *Altertumswissenschaft* under the supervision of Th. Mommsen and O. Hirschfeld, upon Grevs, who developed the line of Fustel de Coulange.

Upon reading the manuscripts of Grevs' essays on Horace and Atticus, Ivanov (his "friend-teacher", as Grevs called him) made a number of important notes and remarks, some of which were taken into consideration by Grevs in his papers published first in the *Zhurnal ministerstva narodnogo prosvetshchenija* (Journal of the Ministry of Education, 1895–1896) and later in his book "Sketches on the History of Roman Land-Ownership" (1899), which he supported as a thesis for a master's degree in 1900. Analyzing this detailed critique and its discussion one can come to a better understanding of the individual talents of these two scholars and of the specific of the schools which moulded them as scholars: Ivanov as a philologist and expert in Roman law, and Grevs as a historian.

¹⁸⁵ Гревс И.М. К моему научному учению. Кто были мои учителя? // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. Л. 38а.

¹⁸⁶ И.М. Гревс – Вяч.И. Иванову. 13 августа 1924 г. (Копию этой почтовой открытки, хранящейся в римском архиве Вячеслава Иванова, передал несколько лет назад первому из авторов настоящей статьи недавно ушедший из жизни Дмитрий Вячеславович Иванов, к светлой памяти которого мы обращаемся с благодарностью).